

Игорь Вереснев
УПРЯМОЕ ВРЕМЯ

Игорь Вереснев

Упрямое время

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11661979

ISBN 978-5-4474-0959-3

Аннотация

Счастливая жизнь Геннадия Карташова закончилась 1 июля 2001 года. Дочь погибла в автокатастрофе, попытка добиться справедливости обернулась сфабрикованным обвинением и тюрьмой. Ушла жена, отвернулись друзья и знакомые, о любимой работе не стоило больше и мечтать. И вдруг восемь лет спустя судьба преподносит Карташову сказочный подарок – возможность вернуться в прошлое и всё исправить. Но в самом ли деле это подарок? Что ждёт путника в пропасти безвременья между Настоящим и Прошлым?

Содержание

Упрямое время	5
Пролог. День «Х»	5
Часть I. Курс – бейдевинд!	7
Глава 1. Сентябрь, 2009	7
Глава 2. Июль, 2009	14
Глава 3. Весна 2009 – осень 2008	19
Глава 4. Октябрь, 2008	23
Глава 5. Зима, 2007	29
Глава 6. Осень, 2006	30
Глава 7. Лето, 2006	33
Глава 8. Лето, 2005	38
Глава 9. Осень, 2004	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Упрямое время

Игорь Вереснев

© Игорь Вереснев, 2015

© Алексей Хрящёв, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Упрямое время

Пролог. День «Х»

Из дому я вышел пораньше. Не хватало опоздать из-за какой-то мелочи: дорожной пробки, неожиданной – ненужной! – встречи, ещё чего-нибудь. А перед этим я с полчаса стоял под душем, начисто вымывая из себя следы ночного кошмара – не для того я весь этот путь длиной в восемь ненавистных, осточертевших лет проделал, чтобы из-за дурного сна отступить. Побрился, оделся в чистое. Кроссовки, джинсы, тенниска – всё новенькое, с иголочки, купленное накануне. Хотел и позавтракать, даже омлет себе сготовил. Но не смог, еда в горло не лезла. Потому как сегодня ЭТО случиться должно. Вернее, НЕ случиться.

На месте я оказался задолго до нужного времени. Прогулялся к цирку, почитал плакаты с рекламой представления, на которое мы так и не попали. Ничего, теперь попадём! Вернулся, купил в киоске газету – ткнул на первую попавшуюся, даже название не глянул. Прошёл мимо стоявших на автобусной остановке людей... и тут подкатил наш «тридцать четвёртый» – всё, как в давешнем сне. Мне дурно сделалось от неожиданности, спина под тенниской взмокла. Стоял и тупо таращился на переднюю дверь, не соображая, что прятаться нужно. Не должны они меня увидеть раньше срока!

Из автобуса вышли бабулька и женщина с двумя детьми, трое вошли. Двери закрылись, автобус вырулил из «кармана» и укатил дальше, по проспекту. Нас в нём не было.

Я перевёл дыхание. Не тот это автобус, ясно же – просто похожий. А наш минут десять-пятнадцать ещё ждать. Из-за сна дурацкого мнительным я стал. Выбросить его из головы нужно, сосредоточиться.

Сегодняшний поход в цирк мы планировали давно, но как-то не получалось – то одно мешало, то другое. Так до моего отпуска и дотянули. Дальше откладывать стало некуда, Ксюша и так почти месяц каникул в городе кисла, давно пора было к бабушке отвозить, иммунитет укреплять среди здоровой экологии. Идти мы собирались втроём, всей семьёй, но в последний момент у Светланы не сложилось на работе. Конец квартала для бухгалтера самая горячая пора, всё равно, что в школе конец четверти.

«Тридцать четвёртые» курсировали часто, с интервалом три-четыре минуты. И из каждого выходили родители с детьми, а мы всё не появлялись. И в каком именно автобусе мы приедем, я определить уже не мог. Оставалось внимательно вглядываться в каждый.

Тёмно-малиновый «опель» я слышал прежде, чем увидел – он взвыл где-то за моей спиной, набирая скорость. Машина летела чуть ли не по разделительной полосе, лихо выполняя двойной обгон. Я только мельком взглянул на него и сразу же обернулся назад, к перекрёстку. Светофор горел жёлтым. Вот-вот переключится на красный и засветится над переходом зелёный человечек. Нужно успеть добежать...

Бежать было не за кем! Мы не приехали.

Я не успел удивиться, потому что увидел вдруг: с противоположной стороны на зебру ступила девочка, на ходу разворачивая мороженое. Бежевое платье, длинные русые волосы. Она даже не взглянула налево, ведь зелёный человечек обещал безопасность. Но как же так?! Она не могла оказаться на той стороне улицы, я помнил этот треклятый день до минуты, до секунды, до каждого шага и слова! «Па, давай мороженое купим?» – «Может, в цирке?» – «В цирке очередь будет здоровенная. Я быстро сбегая, одна нога здесь, другая там. Ты какое будешь? Белый пломбир, как всегда?» – «Ладно, беги, я пока прессу в киоске гляну. Через дорогу осторожно!» – «Что я, маленькая!» Ксюша и впрямь была не маленькая, в свои

двенадцать выглядела четырнадцатилетней. Рослая, крепенькая, спортивная – вся в папу. Только волосы от Светланы достались.

...Тот, первый раз, я ничего не видел, смотрел свежий выпуск «Футбола» в киоске. Обернулся, когда всё уже случилось. А теперь мне показывали. Теперь я был «сторонним наблюдателем», как в Радькиных экспериментах...

Лейтенантик не врал на следствии. Он в самом деле надеялся проскочить, лихо, красиво – со стороны бульвара ведь машин не было. О пешеходах он просто забыл. Или уверен был – уступят. Пеший всегда уступит дорогу конному, простолюдин – барину. Так испокон веков повелось на Руси! И когда увидел перед собой девочку – испугался, тормозить начал. Не успел. Когда скорость сто двадцать, тормозной путь слишком велик. Будь за рулём водитель поопытнее, он бы не тормозил, объехать попробовал бы. Возможность такая была, пусть и впритирку к машинам на встречной, но была.

Пацан рулить как следует не научился. Единственно умел педаль газа выжимать до упора. Газа и тормоза.

«Опель» начало заносить. Но раньше, чем развернуло, капот ударил девочку. Со всей своей железной, бездушной силы саданул. Она даже не вскрикнула, только глухой удар и хруст.

Ксюшу подбросило в воздух. Она перелетела через машину, словно поломанный манекен, нелепо разметав волосы, руки, ноги.

А затем манекен упал на асфальт. С коротким, мёртвым стуком. И стало тихо. На один миг.

«Опель» ещё разворачивало, кренило набок, он ещё не вылетел на тротуар, а мне казалось – вечность прошла. Вечность, сфокусированная на нелепом, исковерканном предмете, лежащем на грязном, пыльном асфальте. На манекене, который секунду назад был живым человеком... Был Ксюшей?! Нет... Нет!!!

Тишина оборвалась пронзительным женским криком. И чуть запоздало – вторым, мужским. Бездёжным криком смертельно-раненого человека. Моим криком. Криком того, другого меня, который стоял сейчас у газетного киоска.

Я тоже хотел кричать, но не мог. Хотел бежать – не мог. Что-то бесцветно-серое обрушилось на меня, спеленало, сдавило грудь. Отвратительно мерзкое, бездушное и безжалостное, как капот «опеля». Я успел узнать его – своего незваного спутника. А затем чёрная спасительная волна вздыбилась, колыхнулась навстречу. Накрыла с головой, разметав серые ошмётки.

И меня не стало.

Часть I. Курс – бейдевинд!

Глава 1. Сентябрь, 2009

Человек цедил пиво с таким видом, что мне нехорошо становилось, неприятно. Точно ему в бутылку ослиной мочи налили. А пиво-то недешёвое, я себе такое не позволяю. Даже когда в ЖЭКе зарплату выдают.

От мысли о пиве во рту пересохло. Там и до этого сухо было, а теперь и подавно. И то сказать – сентябрь на дворе, а солнце шпарит, что твой июль. Одиннадцати нет, и уже пекло. В самый раз выпить чего-нибудь холодненького, если не пива, то хоть минералки.

Нет, нечего и мечтать о прохладительном. В кармане – голяк, потому я и вышел на бульвар в неурочный час. Тару собирать нужно рано утром, пока наш брат, дворник, не заявился чистоту наводить. Или вечером, когда народ гулять вываливает, «тусоваться». А тусуются нынче все, и пацаны, и девчата, обязательно с бутылкой пива в руках. И хорошо, если ноль пять, а то и литровки пластиковые таскают. Не то, что в наше время.

Этих, с литровками, я не люблю. И с банками алюминиевыми тоже. Стекло – самая лучшая тара. И для того, кто пьёт, и для того, кто потом убирает.

Пока что у меня в сумке позвякивали лишь три бутылки. Четвёртая – у мужика. Только когда он её допьёт? Может, и не ждать? А пивко-то у него холодное, издалека видно, как бутылка вспотела. У меня от этого зрелища язык к нёбу присох.

Человек опять глотнул. И опять скривился. Да не мучайся ты так, дорогой, не пей, если не хочешь. Поставь аккуратно рядом с лавочкой, и топай своей дорогой. Найдётся, кому убрать.

Я представил, как сажусь на его место. Наклоняюсь, тянусь рукой за бутылкой, что затаилась между ножкой лавки и урной. Неторопливо, будто свою, поднимаю. Пью. Хорошее прохладное пиво.

Когда-то допивать за другими я бы побрезговал. Не поверил бы даже, что такое возможно, если бы кто-нибудь рассказать взялся. Решил, что шутит или издевается. Да ещё смотря кто рассказывал, а то и в морду двинуть мог, чтобы за базаром следил...

А теперь вот не брезгую. Теперь многое по-другому стало. Потому как раньше я был Геннадий Викторович, учитель, уважаемый человек. Теперь – Генка-дворник.

Мужик посмотрел в мою сторону. Заметил наконец, что его ждут. Ну давай, давай, родимый, не хочешь оставлять, так допивай быстрее, освобождай тару. Нет мне никакого удовольствия на солнцепёке стоять. Не пьёт. Вытаращился, словно у меня ширинка расстёгнута. Чего пялишься? Одет я не по-парадному, так и что с того? Будний день, не воскресенье, не праздник какой. Не имеет права работяга по бульвару, что ли, пройтись? Надеюсь, на бомжа я не похож, на бандюгана отмороженного тем более. Хотя физиономия у меня... Когда бреюсь, в зеркало смотреть тошно. А рот, так и подавно лучше не открывать. Но это, мужик, опять-таки не твоего ума дело. Ты бы оттуда, где я зубы оставил, вообще живым не вышел.

Человек продолжал смотреть на меня не отрываясь. И я не выдержал. Мысленно сплюнул и отвернулся. Да пошёл он, со своим пивом и своей бутылкой! На этих копейках свет клином не сошёлся. Ишь ты, чистенький весь из себя, интеллигентный!

Я успел сделать три шага, когда меня будто в спину толкнули:

– Гена?

Я оглянулся. И узнал!

– Радик?! Радислав?

Он уже поднимался со скамейки, спешил ко мне. А я не мог понять – как же я его сразу не узнал? Такой же худенький, шустрый. Он ведь и не изменился совсем, только без очков. Должно быть, поэтому и не узнал? И ещё потому, что не на лицо смотрел, а на руку с бутылкой. Сколько же мы с ним не виделись?

Радость тёплой волной окатила меня, будто само прошлое встретил. То, давнее, счастливое время, о котором я разрешаю себе вспоминать очень редко. То время, в котором были школа, и Светлана, и собственная квартира... и Ксюша была.

– Радик...

Мне так хотелось обнять его! Но нынешнее не позволяло забыть, кто я теперь. Даже руку протянуть не решился. А Радик всегда был застенчивый. Потому не поздоровались мы, как следует. Стояли друг против друга, с ноги на ногу переминались, пока он не спросил:

– Ген, ты чего? Почему плачешь?

Плачу? Правильно, слёзы на глазах. Я отмахнулся.

– Да не обращай внимания. Это я от радости, что ты живой и здоровый. Я ж тебя не узнал сразу – без очков.

– А, да я их давно не ношу. Мороки с ними много, контактные линзы куда удобнее. Ты-то как? Выглядишь странно. Смотрю, ты или не ты? Сначала подумал – бомж какой-то бутылки собирает.

Если бы я умел краснеть, покраснел бы от этих слов. Стоял, и не знал, куда деть трелятую сумку с позвякивающей тарой.

Завадский моё замешательство понял.

– Ты что, со школы ушёл? У тебя что-то плохое случилось?

Что он пристал – «случилось, случилось»? Ну собираю бутылки, и что? Не ворую же!

– Да нет, Радик, всё нормально, всё путём. Просто не рассчитал с зарплатой. Немного.

– А ты где работаешь?

– Да здесь, рядом. В ЖЭКе... – я запнулся, – дворником. Да всё нормально! Всё образуется. Главное, ты живой и здоровый. Я ж подумал тогда...

– Гена, ты, наверное, сегодня не завтракал? – перебил он.

– А? Да я вообще не завтракаю...

– И не обедаешь?

Ой, как мне было стыдно! Почему – не знаю. Кем стал, через что пройти пришлось – не по моей ведь вине! Жизнь, подлая грязная сука-жизнь, так сложилась. И ничего я сделать не мог, как ни пытался. Потому и стыдиться мне нечего.

А вот ведь, перед Радиком стыдно стало.

Он взял из моих рук сумку, подошёл к урне, вытряхнул. Бутылки с громким звоном высыпались в зияющее жерло, скомканная сумка полетела следом. Я молча проводил их взглядом.

– Слушай, а пойдём ко мне? – предложил Радислав. – Я квартиру снимаю. Посидим, поболтаем, отметим встречу. Мы с тобой сколько лет не виделись? Восемь?

– Девять с гаком.

– Тем более. Или ты сейчас на работе? Не можешь отлучиться?

Колебался я не долго. Какая там работа? Убрал территорию и свободен. Кивнул, соглашаясь.

Не сказать, чтобы в прошлой жизни мы с Завадским были закадычными друзьями. Он физик, я физрук. Он без пяти минут как физмат закончил – молодой, талантливый, подающий надежды. Я – отец семейства, дядька самый заурядный. Мои развлечения – пивка попить, футбол посмотреть. Его – теории научные на крепость пробовать, эксперименты придумывать с электричеством и прочим электромагнетизмом. Какие у нас общие интересы, сами

посудите? Но так уж сложилось, что мы с ним единственные мужики на весь педколлектив были. А Радик человек хороший, но к жизни не приспособленный. Ни друзьями-приятелями не обзавёлся, ни девушкой. Родственники, и те где-то за тридевять земель жили. Некому приглядеть, одним словом. Вот я и «приглядывал» и за Радиком, и за его экспериментами, «сторонним наблюдателем», так сказать, был. А после помогал проводку чинить и перед соседями извиняться.

Проработал Завадский у нас в школе недолго – неполных два года. А потом он исчез из моей жизни так же неожиданно, как и появился. Вернее, он вообще исчез. Не предупредил, не попрощался – да что там, на работе расчёт не взял! Куда, зачем, почему? Словно вышел человек из квартиры в магазин на минутку и пропал навсегда. Или не вышел? Слух был, что когда двери в квартире вскрывали, они изнутри заперты оказались. Но мало ли, что народ болтает! Милиция его искала, конечно, да не нашла. У них подобных дел – вагон и маленькая тележка. А через год моя собственная жизнь перевернулась...

До дома, где жил Завадский, добирались мы с полчаса, не меньше. Вдобавок в супермаркет заглянули – заботиться о том, чтобы в холодильнике провиант был, Радислав не научился за прошедшие годы, судя по всему. А что научился, так это употреблять. Во всяком случае, когда я предложил взять поллитровку – девять лет всё-таки! – он не отказался. Я подумал, и взял ноль-семьдесят пять. Не допьём, «на завтрак» Радика останется.

Пока добирались, да пока огурцы-помидоры мыли, сыр-колбасу резали... В общем, на ходиках час по полудню тикнуло раньше, чем мы по первой разлили. И хорошо. С утра я не употребляю, никогда. Только начни похмеляться, не заметишь, как скатишься. Видел я «синяков», ой-ей-ей сколько!

Посуды цивильной в квартире не оказалось, пить предстояло из стаканов. Да здесь ничего цивильного не было. На кухне – выцветшие жухло-белые обои, стол под клеёнкой, колченогие, расшатанные до последней степени стулья, холодильник ещё советских времён и плита газовая оттуда же. Комната выглядела не лучше: обои зеленовато-голубые, такие же выцветшие, на полу – дешёвый, затоптанный палас, два кресла с протёртыми до дыр подлокотниками, диван с не застланной постелью, раскладной стол с исцарапанной, пропаленной сигаретами полировкой, тумба. И пустой книжный шкаф.

Шкаф окончательно меня доконал. Не вязалась его пустота с Завадским. Вообще нарочитая пустота этой квартиры удручала. Ничего, связанного с Радиславом – с тем Радиславом, которого я знал когда-то, – в ней не было. Все вещи исключительно хозяйские, чужие. Чёрт возьми, даже одежда в коридоре на вешалке не висела! Не так я представлял его жилище.

Наверное, на лице моём очень уж откровенно читалось это недоумение, когда я пригнул тарелки с закуской на столе, да так и застыл посреди комнаты. Радик заметил.

– Извини, тут у меня небольшой бардак. Не ожидал гостей сегодня.

– Да брось, какой я гость... И что, давно здесь обитаешь?

– Как сказать... А почему ты спросил?

– Вид у этой квартиры какой-то... – я запнулся, стараясь подобрать подходящее слово. – Не жилой, что ли. Как будто ты здесь проездом. Заскочил переночевать, и дальше.

Радик хмыкнул.

– Можно и так сказать. Ладно, стол накрыли, чего ждать? Садимся.

Сели. Бутылку Завадский развинчивал неумело и наливал так же. Нет, не научился он употреблять, зря я так подумал. Водку он купил, потому как мне приятное сделать хотел. Без водки какая радость... такому, как я.

Мыслишка была мерзкая, я прогнал её. Подняли стаканы, чокнулись, выпили. Я – до дна, как положено за встречу. Радик – едва половину. Кому другому я бы попенял за неува-

жение, ему ничего не сказал. Пусть пьёт, сколько хочет. Наскоро зажевав куском сервелата, потребовал:

– Ну, давай, рассказывай.

– О чём?

– Как о чём? Где пропадал всё это время? Знаешь, как я переживал, когда ты исчез?

Что случилось-то, можешь рассказать?

Радик помедлил, снова наполнил мой стакан.

– Тебе – могу. Помнишь, я тебе о квантовой природе времени рассказывал? Наши эксперименты с электромагнитным импульсом помнишь?

Я посмотрел на водку в стакане. Затем на Радика. Разве всё упомнишь, времени то сколько прошло? Завадский мою заминку понял верно, подсказал:

– Мою клетку Фарадея?

Наконец-то в голове проблеснуло что-то!

– А, это та штука, что ты из проволочек скрутил? Конечно, помню!

– У меня получилось. Доказать связь квантов времени и электромагнитного импульса

– Здорово! – похвалил я его. – Ну, давай за твои эксперименты!

И – выпил. Раз водка налита, что с ней ещё делать? Нечего ей выдыхаться.

Радик пить не стал. Сказал тихо вместо этого:

– Теперь я умею управлять потоками квантов времени. Их скоростью и направлением.

– Чего? – я едва не поперхнулся. Нельзя же так – под руку! – Чего ты умеешь?

– «Путешествовать во времени», грубо говоря.

И начал объяснять. Делать это Завадский любил и умел. Сочно, красочно. Беда в одном – чтобы понять, нужно образование иметь хоть на уровне институтского физмата. А я с точными науками и в школе дружил. Потому доходило до меня туговато. По его теории получалось, что время состоит из отдельных частичек-квантов и три измерения имеет. Потому двигаться в нём можно не только вперёд и назад, а и влево-вправо, вверх-вниз. А движемся мы исключительно вперёд потому, что несёт нас течение этих самых квантов – «течение времени». Но кроме обычных существуют ещё и быстрые кванты – «ветер времени». Он может останавливать и разгонять собственное время экспериментатора, может сдвинуть его в любом направлении. Если уметь управлять этим ветром, найти для него парус.

Он говорил, а я слушал. И смотрел на бутылку с водкой. Я выпил два стакана, Радик – едва половину. Но кто из нас «под мухой»? Кто ахинею сейчас буровит?

– И где ж этот твой парус? – спросил у него осторожно.

Он не ответил. Вместо этого сунул мне под нос свои часы наручные. Крутые, навороченные, мне таких видеть никогда не приходилось. Всё в кнопочках малюсеньких, и три циферблата. Большой, круглый, а в нём два поменьше, скибочками. Присмотрелся я к ним, а они полдень показывают. Это как же так – полдень, – когда мы в час сели только? Я сразу на ходики, что в шкафу пустом, обернулся. Нет, всё верно, половина третьего.

– Они у тебя стоят, что ли?

Радик с минуту на меня таращился. А затем захохотал. От души так, во весь голос. Хорошо, стакан поставить успел, а то расплескал бы.

– Гена, это и есть парус, о котором я тебе говорю. Хронобраслет. Первый раз мне удалось добиться эффекта «ветра времени» в нашем с тобой двухтысячном. Правда, именно такого результата я не ожидал. Думал сместиться на пару дней вперёд, а получилось... В общем, унесло меня в область, лежащую за горизонтом событий. Туда, где я не работал в школе, не заканчивал физмат. И с тобой мы знакомы не были. Очень далеко. И возвращаться пришлось долго.

Он вновь мне налил до краёв. Подумал, и себе добавил чуть-чуть. Для уважения. Поднял стакан:

– Вот такая история.

Мы выпили по третьей. Я молчал, не зная, что и сказать. С одной стороны – не мог поверить я в подобную штуку. С другой – не верить не мог. В той, прошлой жизни, Радик не стал бы мне врать. Внезапное его исчезновение и такое же внезапное появление сегодня, квартира это пустая, нежилая, явно снятая на день-другой. А утром, когда мы встретились? Как он пиво-то пил, хорошее холодное пиво? Кривился, морщился. Потому что не любит он пиво. Девять лет назад не любил, и сейчас не любит, ни пиво, ни водку. А пьёт, чтобы расслабиться хоть немного, потому как хреново ему, ох как хреново!

Я внимательно посмотрел на приятеля. С чего я решил, что он абсолютно не изменился? Изменился, да ещё и как! Грустные складки появились в уголках рта, морщины вокруг глаз, скулы выступили. И седина на висках засеребрилась. Видно, и Радика жизнь потрепала. Не так, как меня, но потрепала. Так пусть говорит. Какая разница, сколько в его словах истины, а сколько преувеличения?

– Ладно, предположим. И как эта штука временем управляет?

– Не временем, им управлять нельзя. Передвижением во времени. Вот смотри: на большом циферблате стрелки направление течения и ветра показывают, на малых – положение угла атаки в двух плоскостях. В будущее переместиться – не проблема. Просто опережаешь течение времени. С прошлым сложнее. Идти против течения не получится – в лучшем случае застрянешь на месте. Но способ попасть за точку настоящего есть. Ты никогда парусным спортом не занимался? Что такое лавировка, знаешь?

– Нет, не довелось. Ты, что ли, занимался?

– Было дело.

Уточнять, когда это он успел поматросить, Радик не стал. Вытащил из пачки свежую салфетку, разложил на столе, начал ковырять ногтем.

– Смотри, это – направление времени. Идти против течения нельзя. Но так, под углом, можно. Курс называется бейдевинд. А в следующий раз идёшь вот так. Понятно?

Я поразглядывал выдавленный на салфетке зигзаг с перечёркивающими его диагональными. А чего ж тут непонятного? За это мы тоже выпили. За хронобраслет, в смысле. А потом – за бейдевинд.

Который был тост, со счёта я уже сбился. Телом завладевала приятная тёплая лёгкость. Прекрасно знаю это ощущение – норма моя. Больше пить не стоит, плохо будет, особенно утром. Хоть наш «сабонис» и опорожнился едва на половину, но я свою долю честно употребил. Радик, чертяка, филонил. Вон, первый стакан еле высосал. Ну, коль ты трезвый, тогда развлекай гостя дальше!

Я прищурился и подначил:

– А теперь продемонстрируй, как твой браслетик работает. Хочу снова быть, этим, как его... сторонним наблюдателем!

Завадский перестал улыбаться, посмотрел на меня внимательно. Затем вдруг налил себе добрых полстакана и залпом выпил, аж кадык на горле ходуном заходил. Поставил опорожнённую тару, выдохнул. И вместо того, чтобы закусывать, объявил:

– Нельзя. На пьяную голову со временем баловаться опасно. – Подумал и добавил: – Да и на трезвую тоже. Всё, что я тебе рассказывал – не больше, чем теория, практикой не подтверждённая.

Такого поворота я не ожидал:

– Так ты... это ты насочинял всё?!

– Да. Расскажи лучше о себе. У тебя что случилось? Что-то совсем нехорошее? С семьёй? С дочкой?

Меня будто холодной водой из брандспойта окатили. Хуже – будто обухом в темя хрякнули! Мгновенно Радиковы сказки о путешествиях во времени отступили и сегодняшняя реальность навалилась. Память девяти лет, разделивших нас.

Солёный комок подкатил к горлу. Но я сдержался. Эти слёзы я уже выплакал. Сотню раз выплакал.

Радик заметил, как я переменялся в лице, вновь разлил водку, пододвинул мне стакан. – Расскажи, сразу легче станет.

Легче? Да понимает ли он, о чём говорит? Мне – легче?!

Я схватил стакан, опрокинул в рот, высушил одним долгим, большим глотком. Это был лишний стакан, не мой уже. И чёрт с ним! Хочет послушать?! Изволь!

Выложил я всё, как есть. О Ксюше, о злосчастном июле две тысячи первого, о пацане-ментёнке, решившем полихачить, о том, как в наших судах красный свет неожиданно меняется на зелёный, а «зебра» уползает на шесть метров в сторону. О том, как я пытался найти правду... И о том, как эта самая «правда» нашла меня, тоже рассказал.

А потом я ещё выпил. Больше не думая, лишним будет стакан или нет.

– Ты меня спрашивал, почему я в школе не работаю? Статья у меня неподходящая, понимаешь ли. Плохая статья. С такой к детям и близко не подпустят. Хорошо, хоть дворником взяли! Директор ЖЭКа «облагодетельствовал». Сказал, когда заявление подписывал: «Повезло тебе, что я мужик. Мужик к мужику в таких делах всегда сочувствие проявит. Была бы на моём месте баба, погнала бы тебя взащей». Поинтересовался ещё: «И как оно, стоило того?» Гад.

Радик слушал меня, всё более хмурясь. И когда я замолчал, переспросил:

– Гена, но это же ерунда какая-то? Не мог ты так поступить. Если бы она тебя даже спровоцировать попыталась, ты бы не поддался. Выставил бы её, и всё.

Я разозлился. Он что, не слышал, что я ему рассказывал? Или сомневается, что это подстава была?! Конечно, молодая смазливая кукла сама себя предлагает. Какой мужик устоит? И друг Гена не выдержал, позарился на свеженькое...

Рука моя сама собой сжалась в кулак. Врезать бы от души, чтоб не вякал!

Я даже испугался такой своей мысли. Это всё из-за водки. Лишний стакан. Или два? Завадский ведь не виноват, совершенно не виноват. Вот сучке той малолетней я бы врезал, дряни мокрохвостой. Ох, врезал бы! Изуродовал бы, чтобы на всю жизнь запомнила, как другим эту самую жизнь ломать ни за что, ни про что. А потом опять на зону, и хрен с ним!

...А на зоне снова тех шакалов бы встретил. Нет, драться с ними я не стану. Просто замочу. Стольких, сколько смогу. И пусть потом убивают. Жизнь не дорога? Да нахрен она мне нужна, такая жизнь!

– Нахрен она мне нужна, а? Я тебя спрашиваю?!

– Тише-тише...

Оказывается, я ору это во весь голос и кулаком по столу стучу, а Радик хватается меня за плечи, пытается остановить. Прихожу в себя на минуту, тянусь за бутылкой. Радик сдёргивает её со стола.

– Что, жалко?! – рычу на него. – Зачем тогда звал?

– Гена, тебе хватит...

Вновь вынырываю на поверхность – я у дверей, порываюсь уйти, а Радик вцепился, что твой репей, не пускает.

– Не-не-не, и не думай! Не пушу! Тебя же первый милиционер арестует...

Это он прав. Повяжут, козлы вонючие...

Вновь просветление – Радик пытается уложить меня на диван, а я отбрыкиваюсь:

– Отвянь, не буду я спать! Мы ж не допили...

И последний кадр. Радик моет посуду на кухне, а я стою в дверях, прислонившись к косяку, чтобы не упасть. Глупо хихикая, спрашиваю:

– Радик, это ты мне снишься, а?

– Нет, не снюсь.

– Так мы это чё, в самом деле здесь? В будущем?

– Угу, в самом деле.

– А... я это... не хочу здесь. Мне назад надо.

– Назад? На диван, что ли? Так отправляйся. Дойдёшь или помочь?

– Дойду...

Не помню, добрёл я самостоятельно, или Радик меня тащил. Больше кадров яви в моей голове не осталось. Дальше шёл сон.

– ...Па, а правда было такое, что вы меня чуть не потеряли?

– Это мама рассказывала? Правда. Мы к бабушке Зое ехать собирались. На вокзале, пока поезд ждали, ты и пропала. Только что сидела возле чемоданов, глядь – уже нету. Ух, как мы испугались!

– А чего вы испугались? Подумаешь, отошла на два метра. Куда бы я делась!

– Не скажи. Это же вокзал. Людей толпы, приезжают, уезжают. Цыганей, опять же полно, жулья всякого. Запросто увести могли. Мы пока искали, к тебе какой-то дядька приставать пытался. А ты что, ничего не помнишь?

– Помню. Как мама меня лупцевала, а я ревела.

– Так было за что.

– Бить детей нельзя, ты сам говорил. Па, а дядька тот куда делся?

– Дядька? Почём я знаю. Убежал. Пошли к двери, следующая остановка – «Цирк»...

Я лежал, чувствуя, как по щекам текут горячие слёзы. Давно этот сон не возвращался. Думал – всё, отпустило, зарубцевалась рана. Ошибся. Вчерашние разговоры снова разбередили. И откуда этот Радька взялся на мою голову?

Нет, Радик был ни при чём, пить нужно меньше. А то вишь, дорвался до халявы. Норму он знает! Сказал бы: «О себе рассказывать ничего не буду», и баста.

Я открыл глаза. Утро уже давно началось, ходики восьмой час натикали. А сегодня у нас среда, рабочий день, между прочим. Значит, нечего отлёживаться.

Встал. Голова шумела и противно кружилась. Но это не страшно, это перетерпеть можно. Радик с меня штаны стащил, вот что хуже. Пришлось наклониться, чтобы надеть, и кровь тут же болезненно ударила в виски. Под холодный душ в самый раз, но занято, Завадский в ванной плещется. Тоже похмельный синдром прогоняет? Хотя он-то выпил всего-ничего.

От нашего вчерашнего пиршества следов в комнате не осталось, Радик ещё вечером всё на кухню унёс. А интересно, он догадался в холодильник бутылку минералки засунуть?

Я уже собрался на кухню в разведку идти, когда заметил лежащий на тумбочке браслет. «Хронобраслет». С минуту разглядывал его, затем взял осторожно. Тяжёлый, увесистый. Приложил к запястью, защёлкнул застёжку. Помедлив, нажал кнопчку над циферблатом. Узкая стрелка дрогнула, чуть отошла в сторону от широкой. Потом ещё немного. Направление ветра времени не совпадало с его течением.

Голова прояснилась мгновенно. А если это в самом деле машина времени?! Не из кино, не из книжки – настоящая! Если не врал Радька, не фантазировал? Я же смогу вернуться в прошлое, и всё исправить! Легко! Не пущу Ксюшу за мороженым, и ничего страшного не случится. Никогда не случится!

Стараясь унять дрожь в пальцах, я выставил угол атаки, как показывал Завадский. И сообразил, что не слышу больше шума воды.

Радислав стоял в дверях ванной и пристально наблюдал за мной.

– Гена, не надо. Ты не сможешь изменить историю. Брэдбери ошибся с эффектом бабочки. То, что должно произойти, уже произошло.

– Да мне начхать и на историю, и на бабочку, и на твоего Брэдбери. На всех скопом, и на каждого в отдельности, понял? Моя дочь не должна была умереть в двенадцать лет. Не должна попасть под машину того урода. Это случайность, понял? И если твоя игрушка действует, то я эту случайность исправлю!

– Гена, ты же не знаешь главного. Тебе не позволят...

– Да пошёл ты!

Я нажал кнопку «старт».

Глава 2. Июль, 2009

В первое мгновение мне показалось, будто под дых дали. Радик что-то продолжал говорить, но голос его резко изменил тембр, превратился в рокот, гул, так что слов не разберёшь. Оборвался. Тишина повисла в комнате, абсолютная. Ни автомобильного шума за окном, ни урчания в водопроводных трубах. Затем фигура Радика начала расплываться. Превратилась в пятно, размазалась, растворилась. И так же начали терять очертания предметы вокруг меня.

Это ощущение я даже сравнить ни с чем не мог. Ближе всего – когда хороший удар в голову пропустишь. Да, прав был Радик – спяну в такие игры играть не дело. Голова кружилась, желудок в горло выворачивался. Я еле удержался, чтобы не стравить. Пора выбираться на свежий воздух.

Попытался сделать шаг, и меня тут же повело в сторону. Помню, где-то там были кресла, стол, но сейчас всё это стало колышущейся тушей, то и дело меняющей положение. Будто живой. За что именно я зацепился, даже не понял. Попытался схватить, чтобы не упасть, не потерять равновесия, а оно не держало. Руки нащупывали скользкое, сочащееся между пальцами. Кажется, только что я цеплялся за спинку кресла, вполне твёрдую и устойчивую. И в следующую секунду эта твёрдость исчезает, рука проваливается в манную кашу.

Не знаю, сколько минут понадобилось мне, чтобы выбраться из комнаты. Хорошо, хоть проём двери оставался чётким и ясным. Стены с выцветшими обоями – тоже. И блямба выключателя на стене. В коридоре царил мутноватый полумрак, потому я машинально ткнул пальцем в выключатель.

Нажимать оказалось не на что. Я отдернул руку, не поняв в первый миг, испугавшись, что шарахнет током. Затем сообразил – внутренности блямбы тоже размягчились.

В начале коридора у Завадского располагался уголок для обуви – всё по культурному, зашёл с улицы, переобуйся, будь добр. Там стояли тумбочка с коробкой для щёток и крема, Радиковы кроссовки и мои «гавнодавы»... вчера стояли. А сегодня моя обувка растворилась бесследно. Пришлось топтать в шлёпанцах, выделенных Радиславом. Всё лучше, чем в одних носках.

Следующим испытанием стала входная дверь. Обыкновенная, деревянная, со старым «совковым» замком. Она не желала открываться! Колёсико заело намертво, не крутилось ни влево, ни вправо. И ручка не поддавалась. Я почти отчаялся выбраться из этой ловушки. И вдруг... вывалился на площадку. Нет, дверь не распахнулась, она тоже сделалась мягкой на миг. А когда я развернулся, вновь стояла твёрдая и нерушимая.

Ступеньки и перила лестницы не расплывались, иначе спуститься с четвёртого этажа я бы не смог. Шёл, и благодарил судьбу, что Завадский снимал квартиру не в высотке. Даже представить страшно, что бы ждало меня на месте лифта.

Дверь подъезда выпустила, не артачась, хоть и железная, и с замком кодовым, – это я вчера приметил. Но на улице стало хуже. Когда я браслет надевал, за окном солнце светило, а сейчас непонятно, какое время суток. Рассвет, вечер поздний? Ни солнца, ни луны, ни звёзд. И даже не облака над головой – просто серость. От серости этой всё вокруг выглядело иначе, чем накануне, не сразу и сообразишь, куда идти. Дома оставались домами, чёткие, неподвижные. И ещё столбы. Но проводов между столбами не наблюдалось. От деревьев уцелели стволы и толстые ветви, остальное – пятно, такое же серое, колышущееся, как всё здесь. О людях, машинах и говорить нечего – исчезли. Так, марево над асфальтом. Идти в него было боязно, но не стоять же вечно под подъездом?

Я медленно побрёл вперёд. Ожидал, что кто-нибудь зацепит, толкнёт. Ничуть не бывало! Марево походило на редкий кисель. Оно расступалось, пропускало меня. Идти было не тяжело, а скорее противно. До тошноты противно. Я ведь сразу понял, что сквозь людей иду, сквозь тела их. Хорошо, что запахи исчезли, и кисель хоть и вполне ощутимый был, но не липкий, следов после себя не оставлял. Иначе мои внутренности не выдержали бы такого испытания.

Так и дошкандыбал я до угла квартала. Остановился на перекрёстке. Светофор был на месте, но какой свет горит – не определишь. Вроде все лампы светятся в полнакала. И марево над проезжей частью висело куда гуще, чем над тротуаром. Постоял я так, переминаясь с ноги на ногу, и шагнул – была, не была! Если сквозь пешеходов прохожу, не замечая, наверное, и с машинами та же петрушка получится? Угадал. Кисель дороги пропустил меня беспрепятственно.

Сколько я так бродил по городу – непонятно. Может час, может два. А то и все четыре. Счётчик в хронобраслете крутил вовсю, но что он отсчитывал – часы, минуты, секунды или кванты, – я не знал. Когда совсем немоготу стало в киселе барахтаться, и голова в полный ступор вошла от происходящего, зашёл я за киоск, тоже забитый серым маревом, и нажал кнопку «стоп».

Мне ещё раз дали под дых. Да так ощутимо, что я не сдержался, стравил. Повезло, что вокруг кусты густые, никто и не заметил. Ни как стравил, ни как появился. Минут пять я попросту стоял и дышал, наслаждаясь зеленью, вновь проявившимися звуками, запахами. И давая возможность внутренностям занять положенное им место. Нет, прав Радислав, сто раз прав – если употребил, то с хронобраслетом не балуй! Ни за какие коврижки не хотел я испытать все пережитые «радости» повторно.

Долго прятаться в кустах было глупо, требовалось разведать окружающую обстановку. Где я, как, и главное – когда?! Провести, так сказать, рекогносцировку. Я выбрался из зарослей, огляделся. Перво-наперво – небо затянуто тучами и асфальт мокрый. Видно, дождь прошёл недавно. А с утра не предвещало, как говорится. Обнадёживает, но не доказывает. Второе – на деревьях листва вся зелёная. Это в сентябре-то? Опять-таки, улика косвенная.

Третья находка оказалась самой важной. Киоск, за которым я «материализовался», торговал печатной продукцией. И чем дольше я разглядывал выложенную на прилавок прессу, тем лучше мне становилось. Не было там ничего не только сентябрьского, но и августовского!

Для верности я всё же спросил у киоскёрши:

– Скажите, а сегодняшняя «вечёрка» у вас есть?

Женщина посмотрела на меня укоризненно.

– Вечёрка по понедельникам не выходит, молодой человек. Субботний выпуск есть.

Будете брать?

Субботний стоил дорого, полторы гривны.

– А четверговая?

– Есть и четверговая.

– Давайте её.

Я выудил из кармана остатки мелочи. Пересчитал.

– А, чёрт. Десяти копеек не хватает.

Посмотрел вопросительно на продавщицу. Та уже протягивала мне газетку. Потянула, было, назад, но передумала.

– Ладно, занесёшь.

– Спасибо!

Я выдернул из окошка газету, быстро взглянул на число. Шестнадцатое июля! Значит, не насочинял Радик... Поверить в такое было боязно.

– Скажите, это вправду за прошлый четверг газета? – повернулся я к киоскёрше. Она нахмурилась, поджала губы. Тётка предпенсионного возраста, с некрасивым, одутловатым лицом, – вопрос мой ей очень не понравился.

– Ты что, шутки со мной надумал шутить?

Я не удержал улыбку. Попятился.

– Извините. Извините, пожалуйста.

Получилось! Всё получилось, Радиков хронобраслет действовал! За один присест – почти на два месяца в прошлое меня перенёс. Такими темпами я быстренько доберусь до две тысячи первого. Ксюша не побежит за мороженым, и тот козёл пролетит на своей тачке, никого не сбив. И всё будет хорошо!

Прежде всего требовалось подготовиться к путешествию в прошлое. Переодеться, – а главное, переобуться поскорее! – забрать документы, деньги. То есть, наведаться в мою берлогу – комнатушку, которую снимал я у двоюродной тётки начальника ЖЭКа.

Имелся определённый риск в этом мероприятии – я совершенно не помнил, где был и чем занимался двадцатого июля. Столкнуться с самим собой нос к носу ой как не хотелось. Прямо какая-то патологическая боязнь началась. Когда поднимался на третий этаж, нервная дрожь колотила. Когда ключ в замке проворачивал, дверь отворял – и того пуще.

– Гена, это ты? – хозяйка сразу же подала голос с кухни.

– Я, тётя Таня, – помедлив, ответил. «Другой я» не отзывался, значит, повезло, на работе он, как и положено в понедельник.

– Тебя сегодня участковый спрашивал.

– Чего хотел?

– Не знаю. Сказал, чтобы ты к нему зашёл. Обязательно.

– Зайду.

Я прошёл к себе в комнату. Быстренько переоделся в парадное: брюки, рубашка, пиджак. Подумал и вытащил из шкафа сумку, бросил в неё свитер, две смены белья. Собственно, вся моя одежда, более-менее приличная. В сумку же последовали бритвенный станок, зубная щётка, паста, полотенце. Паспорт и деньги – в этом времени я недавно зарплату получил, растратить не успел – спрятал в боковой карман. Всё, кажется?

Вдруг кольнуло раскаяние – что же я самого себя граблю? Тут же отогнал эту глупую мысль. Никого я не граблю. Мои это деньги, заработанные. И вещи все мои.

Хозяйка перехватила меня у входной двери.

– А куда это ты вырядился?

– Нужно, тётя Таня, нужно.

Она смотрела на меня с сомнением.

– Так зачем тебя участковый-то ищет? Ты натворил чего?

– Ничего я не натворил. Участкового работа такая – бдеть.

– Гена, ты смотри, не подведи меня. Я же тебя пожалела, приютила.

– Да я знаю, знаю. Спасибо, тётя Таня.

Хотел пройти, но она уцепилась в рукав.

– Гена, а давай мы за август рассчитаемся.

Я опешил от такого предложения.

– Как за август? Десять дней же до августа?

– А ты наперёд заплати. Ты же съезжать не собираешься?

Она заглядывала мне в лицо, словно удостовериться хотела в своих подозрениях. Я отвернулся.

– Тётя Таня, следующую зарплату дадут, тогда и заплачу. Мы же с вами так договаривались.

– Да, но...

Дослушивать я не стал, высвободился из её пальцев и улизнул. Надо же, «приютила»! Ещё одна благодетельница.

Уже внизу я подумал об участковом. Не к добру он приходил, от ментов всегда одни неприятности. Потом вспомнил – я же сейчас в июле. А на самом деле август минул, и ничего не случилось. Не помню даже, чтобы хозяйка мне о том визите говорила... А, проехали!

План путешествия я составил, ещё когда домой шёл. Прежде всего следовало найти место, откуда в прошлое отправляться можно без свидетелей. И там же отсидеться, пока Радиков «спидометр» кванты назад откручивает. Шастать в сером киселе мне больше не хотелось, от одного воспоминания тошнота к горлу подкатывала.

Лучшим вариантом казались заброшенные садовые участки. Знал я одно такое местечко, можно сказать, в самом городе, от автобусной остановки ходьбы минут тридцать-сорок. Место укромное и тихое. Конечно, бомжи там рыскали, «металлисты», наркуши всякие. Но встречи с этими я не опасался. Вероятность пересечься со случайными гостями «дач» была ничтожна.

Как долго будет длиться путешествие, рассчитать я не мог. Прикинул, что если браслет два месяца за один раз отлистывает, то вся дорога у меня от силы неделю займёт. Это с учётом, что отдыхать нужно будет между прыжками.

Недельное путешествие подразумевало необходимость не только отдыхать, но и питаться. Потому, перед тем, как отправляться на «точку», я заглянул в супермаркет. Запасся провиантом, калорийным, непортящимся. И занимающим немного объёма – чтобы запихать в сумку, а сумку прижать к пузу, когда «хронометр» врубаешь. За едой ничто не мешало ходить и во время остановок, но тратить каждый раз полтора-два часа на это мне не хотелось.

После похода в супермаркет сумка раздулась, что твой аэростат. Ещё и не поместилось всё, пакет пришлось взять. Я шёл и мысленно подсчитывал остаток денег в кармане. По всему выходило, что половину моей заначки супермаркет сожрал. Ну и бог с ним, крупных растрат больше не предвиделось.

На парня, что-то бубнящего в мобилу, внимания я не обратил. Никакого. Брёл он не спеша, вразвалочку, так что я легко обогнал его. И услышал:

– Эй, мужик. Мужик!

Говорил парень в полголоса, потому я совершенно уверен был, что это продолжение его телефонного разговора, ко мне никакого отношения не имеющего.

– Мужик в пиджаке! Ты чё, не слышишь?

А вот это мне не понравилось. Мужиком в пиджаке на девяносто девять процентов был я. Пришлось обернуться.

– Ты со мной разговариваешь?

– С кем же ещё?

Парень и не парень был даже, так, шкет лет семнадцати-восемнадцати. Не из мажоров – мобила дешёвая, к тому же старая, а то и бэушная. Я примерно такую прикупить со следующей зарплаты планировал. Теперь не судьба.

– И что тебе надо?

– Денег дай. Пятёрку.

Побирается, что ли? Понимаю, когда пацанята деньги клянчат, но этот уже взрослый, заработать вполне способен. Руки не поотсыхали, вроде? Может, но не хочет. И просит нагло. Не просит, требует.

Я молча отвернулся, пошёл к остановке. Но шкет отставать не собирался.

– Мужик, ну дай денег! Тебе чё, жалко?

Это нытьё за спиной начало меня раздражать.

– Чего ты ко мне привязался?

– Я ж говорю, денег дай. Мне в центр съездить надо.

– Надо, так садись в автобус и едь.

– Мужик, ты чё, дурак? Кто ж меня без денег повезёт?

Вот теперь он меня достал. Всякий молокосос обзывать начнёт?!

– Отвали, не дам я тебе денег. У других проси.

Чётко и ясно сказал, без грубостей, без оскорблений. Любой нормальный человек поймёт, что разговор закончен. Шкет не понял.

– Ты чё, козёл? Да ты знаешь, кто я? Я камээс по боксу! Да я тебя с одного удара вырублю!

На несколько секунд я дар речи потерял. Подобное ожидаешь услышать, когда поздно вечером, в безлюдном месте тебя человек пять встретят. Но среди бела дня, на людях... Я ещё раз смерил взглядом шкета. На пол головы ниже меня, плечики узенькие, сутулые. Боксёр... Да я таких боксёров! Не иначе обдолбанный, глазёнки так и бегают. Угораздило напороться.

Угрозы шкета меня не испугали, но в ситуацию я попал хреновую. По-хорошему эта погань не отвяжется, а по-плохому – нельзя. Шум поднимется, зеваки на драку сбегутся, а там и менты нарисуются. И вдобавок ко всему, руки у меня заняты. Придётся действовать по-другому.

Слева от тротуара тянулся сквер. Хороший такой сквер, давно запущенный, одичавший, бурьяны в пояс, сирень разрослась, черёмуха ветви чуть не до земли свесила. Шаг сделай, и ничего не видно.

– Денег дать, говоришь? – я остановился, аккуратно накрутил «угол атаки». Парень подошёл ближе, разглядывая мою «побрякушку». Смотри, смотри, сейчас и не то увидишь. – Ну давай отойдём с дороги, чтобы людям не мешать.

Шкет моё предложение понял по-своему. Мобилу мгновенно спрятал в карман, воровато огляделся и пошёл следом. Не испугался, не на понт брал. Точно, обдолбанный. Такой ударит первым, не задумается. Не успеет!

Я передвинул сумку на пузо, подхватил пакет, прижал к груди. Шагнул под ветви черёмухи, и нажал «пуск». Не оборачивался, потому лицо шкета в этот момент не видел. Да я всё равно не увидел бы, как у него глаза на лоб вылезают от изумления, я ж в прошлое скакнул. Надеюсь, обделался он капитально.

Всё же зря я этому оболтусу не врезал. Учить такую шваль нужно смолоду. По-хорошему учить, по-доброму. То бишь, чтобы хороший, добрый человек морду начистил от всей души – деньги не вымогай, не воруй, не гоп-стопничай. Пока не поздно, пока на зону не попал. А то там другие научат. Не тому, чему нужно.

Во второй раз серое марево навалилось привычно. Желудок сжался, вспомнив предыдущее путешествие. Но сейчас он был пуст и трезв, потому тошнота оказалась терпимой.

Долго торчать в межвременье у меня не получилось – пакет в руках начал расползаться. Сумка держалась, а пакет прямо под пальцами в кисель превращался. Тянуть было нельзя, и я тормознул...

– Ай!

Вывалился я прямо в ночь. И ещё в кого-то более конкретного и осязаемого. Мягкого и податливого.

Стоявшая в густой тени черёмухи девчонка тоненько взвизгнула и отлетела на асфальт, под свет фонарей. Отлетела, вытесненная невесть откуда взявшимся крепким мужским плечом. Моим плечом.

– Ах ты тля! – девчонка пряталась под черёмухами не одна, в следующее мгновение из темноты выдвинулась физиономия парня. И чуть опережающий её кулак.

Первую плюху я пропустил. Не готов оказался к такому обороту, да и руки были заняты ловлей рассыпающихся продуктов. Ударил пацан неплохо – для пацана, – из глаз у меня аж звёзды посыпались. Но практики семи лет драк не на жизнь, а на смерть, у него не было. Второй удар я парировал. И третий.

– Ну всё, всё, успокойся, – попробовал замириться.

Какой там! Пацан рвался в герои, хотел защитить любимую. Я его вполне понимал, окажись на его месте, поступил бы так же. Но я был на своём, и он вынуждал меня подставлять руки под его кулаки, топтаться по купленному за свои кровные провианту. Да и толстенная сумка на животе мешала. И тогда я вмазал. Хорошо так, сердечно. Под дых, а потом в скулу. Чтобы разом закончить эту ненужную драку.

Парня вынесло из кустов, прямо на руки успевшей подняться девушки. Теперь они грохнулись вместе.

– Эээ... эээ...

Я испугался, что пацан язык себе откусил. Но нет.

– Эах ты ж гад! – он дёрнулся снова в мою сторону, но девчонка поспешила вцепиться в него.

– Женечка, не нужно! Не связывайся с этим бугаём... Пожалуйста!

– Убью! Убью гада!

Однако дёргался парень не шибко активно. Так, чтобы любимая оценила героизм, но смогла удержать от безрассудства. А я смотрел на эту парочку, и думал, как неправильно всё получилось. Вместо того, чтобы надрать задницу отморозку, пришлось бить нормального парня. Понятно, что это совпадение. Но издевательское какое-то совпадение!

Тем временем парочка поднялась на ноги, к ним уже спешили какие-то люди. Пора было сматываться. Я нащупал в темноте уцелевшие кольца «Краковской» и дал тягу.

Глава 3. Весна 2009 – осень 2008

«Стартовую площадку» я выбирал тщательно. Обязательно чтобы была с капитальным домиком, не раскуроченным до последней степени. И чтобы забросили участок достаточно давно. Условия мало совместимые, но выбор у меня имелся. Садовые участки тянулись на добрых два километра вдоль старой балки и бегущего по её дну ручья. Земли эти поделили где-то в конце восьмидесятых, на излёте перестройки, когда народ, вдоволь нарикавшийся на митингах, вспомнил о бренном. О том, что пора бы пожрать. И проснулась у народа генетическая память предков-крестьян, и потянулся он к земле-кормилице. Участки вдоль балки люди захватывали на свой страх и риск. Времена такие были – властью стали сила и наглость, а место обладало очевидными преимуществами – добираться близко, и вода под рукой. Но преимущество очень скоро обернулось недостатком. Число алчущих собрать урожай значительно превосходило тех, кто его выращивал. А затем восстанавливающаяся

из революционной разрухи металлургия потребовала сырьё для вторичной переработки. И пошли по отечественным весям «сталкеры», подбирая всё что плохо – и, тем более что хорошо – лежит. Пошли сшибать на «хлеб насущный» алкаши и нарки, беспризорники и просто лоботрясы, воспитанные на лозунге «кто не работает, тот ест».

Землепашцы битву за собственность проиграли. Едва ли четверть участков по-прежнему носила следы разумной человеческой деятельности. Кое-где виднелись остатки былых грядок, ещё уцелели обрывки ржавой сетки-рабицы. Но большинство «дач» успело зарости сплошным зелёным ковром бурьяна. На таком забурьяневшем участке я и выбрал пристанище. Кирпичная будочка с маленьким окошком под самой кровлей, годная разве что для хранения садового инвентаря, да дождь переждать. А мне больше и не требовалось. Главное – стекло в раме уцелело, и дверь плотно закрывается.

Уселся я на цементном полу и начал подробнее «хронометр» изучать. Все эти «углы атаки», «направление дрейфа», «компоненты тяги», которыми загружал Завадский под водочку и маринованную сельдь, для меня звучали тарабарским языком. Но методом тыка браслет тоже работал. Крутишь верньеры маленьких циферблатов, пока тонкая стрелка на большом опустится как можно ниже, – это направление моего движения. И одновременно следи, чтобы циферки в нижнем окошке показывали число побольше, – это скорость. Всей хитрости! Конечно не дурак я, понимаю, – если Радика ветер времени унёс фиг знает куда, то и меня запросто может. И число, что браслет показывает, это не та скорость, с какой в прошлое возвращаешься, а лишь та, с которой в выбранном направлении движешься. Чтобы всё правильно посчитать, синусы с тангенсами нужны. Радик их наверняка наизусть помнил, я – смутно. Не помню, что на что умножать и делить. А ведь там где-то вдобавок «экспоненциальная зависимость от продолжительности движения» запрятана. Это уже высшая математика. Нет, мне предстояло двигаться в прошлое по наитию. Главное, выдерживать направление, а со скоростью – как получится.

В этот раз я пуск нажимал с опаской. Потому что осознанно. Первый раз ведь «нырять», когда хмель выветриться не успел. Второй – адреналин в крови играл от злости, другие мысли в голове бродили. А теперь путешествие по-настоящему начиналось.

Знакомо толкнуло под ложечку, домик заволокло серым полумраком. И всё, на этом изменения закончились. Пустой домик, он тут сколько лет стоит!

Постепенно начал я и к серости привыкать, и к тошноте. Сомнения даже закрались – правда ли в прошлое двигаюсь? Или застрял? А как проверишь? Циферки на счётчике бегут, значит, работает машинка. Я попробовал сесть, закрыл глаза. Если задремать в межвременье получится, то вообще подарок будет – проснулся и уже на месте. Как в поезде.

Да, разогнался – заснуть! Сидеть ещё получалось кое-как, но глаза закрыть – нет. То есть, закрыть-то я их закрыл. Но удержать в таком состоянии не смог. Веки как будто прозрачными сделались. Стены, дверь домика – вот они. Но внутри я был не один. В сером полумраке шевелилось нечто невообразимое, бесцветное, меняющее форму, смахивающее на вылезшее из кастрюли тесто. Ко всему прочему, оно было огромным, гораздо больше кирпичной будочки, – что уж совершенно невозможно понять, а только увидеть.

Существо окружало меня со всех сторон, даже над головой зависло. Казалось, ещё немного, и его жгуты-щупальца коснутся меня, обхватят, спеленают. Понимал я – видение это, но всё одно сжался, голову в плечи втянул, глаза закрытые опустил...

Мама моя! На запястье вместо браслета тоже щупальце оказалось. Маленькое, шевелящееся, противное. Вдобавок норовящее к коже прилипнуть. Этого я вытерпеть никак не мог, открыл глаза.

Домик был пуст: серый полумрак и никаких чудовищ. На руке – хронобраслет циферками светит.

Снова закрыл глаза: та же песня! Тесто со всех сторон. В этот раз я терпеть и не пытался. Спасибо, благодарен премного, но такое кино мне не интересно. Лучше стоять буду по стойке смирно и глазами в серость таращиться. Правду Радик говорил – и на трезвую голову во времени путешествовать удовольствия мало.

Сколько я в этот раз пропутешествовал, не знаю. Подозреваю, что недолго. Время тянется, словно резиновое, – моё личное время. Ведь нет способа уследить за ним. Раньше я чётко знал – вот это десять минут прошло, а это – двадцать. Сейчас даже секунды считать не получалось, сбивался мгновенно. Терпел я, терпел, а потом замечаю – стрелка толстая в сторону поползла. И тонкая вслед за ней. Ветер меняется, пора с «парусом» что-то делать. А как ты сделаешь, если руки сумку-аэростат прижимают? Пришлось выключаться.

Щелчок, толчок. Приехали.

Серость исчезла вмиг. В окошко солнце светит, птички снаружи щебечут. В какое время я попал, кто его знает? Не бежать же в город за газетой! Да мне без разницы. Передохнул немного, и снова в путь.

Четвёртым заходом начал я мёрзнуть. Сперва подумал – опять «галлюцинации», теперь температурные. А потом догадался: зима приближается! Значит, верным путём идёте, товарищ. Поскорее свитер натянул, попрыгал для сугреву. Не очень-то помогло, но выбора у меня не было, зимовать здесь предстояло. Можно, конечно, дровишек на дачах насобирать, костерок соорудить. Но он греть будет, пока на месте сижу, в путешествие его с собой не утащишь. Да и сколько той зимы? Часа три-четыре? Потерпим.

Перед следующим путешествием я запасся калориями. Краюху «бородинского» с горчицей слопал да кусагу колбасы заточил – милое дело! Сразу и голод утолил, и будто теплее стало. Ещё бы грамм сто водочки... но нет. Знаю я, как это на пьяную голову по времени шастать. Запил водой и достаточно.

Я опасался, что полный живот очень плохо «временную качку» воспримет. Но и сидеть, зря мёрзнуть, не хотелось. Перекрестился и «прыгнул». Нет, жратва путешествию во времени не мешала. Видно, не в животе проблема была – в голове. Вернее, в её содержимом. Чем крепче за окружающее цепляешься мыслями – за стены, дверь, окно, даже за серость обрыдлую, – тем легче.

Зимовку я одолел в три присеста. Стоянки сократил до минимума – отдышаться, накрутить хронобраслет, и дальше, – потому выдохся капитально. Ноги гудят, в ушах звенит, голова кругом идёт. Перед глазами даже не серость – круги цветные плавать начинали. Так что как только вновь потеплело, я долгий привал устроил. Перекусил, расстелил на полу пиджак, лёг, свернулся калачиком. И моментально вырубился...

– Петя, Петя! Да ты глянь, кто тут! Что ж это делается а?

– Ах ты ж сволочь! Да я тебя...

Голоса скользнули по краешку сознания, хоть кричали близко, чуть ли не над самым ухом. А разбудил меня смачный удар по хребту.

– Ау!

Я подскочил... и увидел летящее прямо в рожу полотно лопаты. Лопата летела плашмя, но удовольствия всё равно мало.

– Петя, да ты ж его убьёшь!

– А и убью, не пожалею! Наверняка та мразь, что сетку сняла!

Удар цели не достиг. Выработанный за долгие годы рефлекс помог уклониться, перекатиться в сторону. И пока лопата шла на следующий замах, я разглядел её владельца. Пузатенький, лысенький, в растянутом спортивном костюме. Не драчун, по всему видно. Но к дачным воришкам у него счёт бо-о-ольшой накопился.

– Послушай, я не...

Какое там «послушай»! Лезвие вновь неслось в мою сторону. Теперь не плашмя, наискосок. Если таким макаром попасть в удачное место и с должной силой, голову раскroiшь к чёртовой матери. Шутки закончились.

Я вновь уклонился. Но отступать дальше было некуда – спина упиралась в стену, – пора переходить в контратаку. Я дождался, когда мужик начнёт следующий замах, и прыгнул. Удержать равновесие он не смог, замах на удар сменить – и подавно. Почти без труда я выкрутил из его рук черенок, подхватил пиджак, сумку, выскочил наружу.

Судя по всему, стояла первая половина осени, конец сентября – начало октября. Самое время готовить участок к зимовке: огород вскопать, сухие ветки на деревьях попилить. За тем хозяева и пришли. И наткнулись на незваного постояльца.

Но, чёрт побери, участок заброшен! Весь травой зарос, даже дорожек не найдёшь. Я же видел, каким он станет следующим летом! А сейчас? Чистенький, ухоженный. Не может земля так забурынять меньше, чем за год. Сам огородником был, знаю!

– Петя... Петенька...

Женщина, должно быть супруга поверженного Пети, стояла в пяти шагах от меня и скулила. Такая же маленькая, кругленькая. Глаза со страху на лоб полезли, губы дрожат, челюсть отвисла. Решила, что замочил я её Петю?

– Да я не соби...

Хотел объяснить, и осёкся. Битва за урожай не закончилась – через забор лез сосед. В отличие от Пети это был амбал на полголовы меня выше. Синие отметины на лбу и щеке, кулачища-кувалды. Шахтерюга. И в правой кувалде – тоже лопата. А где-то неподалёку голосили: «Ребята, бегите скорее! Там у Анисимовых бомжей поймали!»

Дело принимало оборот жестокий. В дачной войне пленных не брали, наглое ворьё обозлило землепашцев до последней степени. Знал – мужики не станут крутить мне руки, сдавать в ментуру. Если не убьют на месте, то искалечат на всю оставшуюся жизнь. Я не осуждал, сам был на их стороне. Всегда – только на их стороне. А вишь, как совпало, приняли за чужого. И не объяснишь – не поверит никто. И времени на объяснение нет!

Драться с мужиками я не хотел. Отшвырнул подальше лопату, и – ноги, ноги, ноги!

Гнали меня долго. Утро, народ свежий, не уработанный. Пару раз перехватить пытались, пришлось через заборы скакать, как зайцу. Сумку потерял, вот что обидно! Зацепился ремешком, дёрнул, и адью! А там ведь провианта полно было, и трусы с носками, и бритва.

Когда участки дачные позади остались, землепашцы отставать начали. Всё, решил я, спасся. Ставок шахтный обогнуть, посадку пересечь, а там и город. Там ищи-свищи меня. Не тут-то было!

На берегу ставка приткнулась легковая машина. Красная, а марку определять мне некогда было. И не разбираюсь я в них, в современных. Не «ИЖ-2125», однозначно. Неподалёку от машины мужики костерок соображали. Люди и люди. Выходной день, наверное, сегодня, культурно отдохнуть на природу выехали. А что баб с ними нет – мальчишник, стало быть. Им до меня дела нет, мне – до них.

Такая вот мысль в голове мелькнула. Глупая мысль. Потому как едва глянул я на этих «мальчишков», понял – менты. Печёнкой почувствовал, хоть и формы никакой на них не было.

И они меня почувствовали. А тут ещё орут с дач: «Держи вора!», «Вон он побежал, к ставку!» Ментам такого как я поймать – всё равно, что детям пирожное. Это же сколько висяков спишут! А что доказательств нет – будут бить, пока сам доказательства не придумаешь.

Нет, не прорваться мне здесь, никак не прорваться. Единственный способ у меня оставался.

В этот раз верньеры я не крутил, углы не выставлял. Некогда! Прыгнул куда попало. Даже не глянул, в прошлое, в будущее, или ещё куда. Ненадолго ведь. Главное – смотаться

отсюда. Потому, когда менты дерьмом серым растаяли, побежал я дальше. По посадке, мимо гаражей, мимо пятиэтажек хрущёвских. И – прямиком по дороге. Если у самой обочины держаться, то киселя почти нет.

Бежал я так, прикидывая, не достаточно ли, взглядом место укромное выискивал. Смотрю – хлебный киоск между двумя домами втиснулся. Вплотную, да не совсем. Подходящее место для «материализации». Удивиться ещё успел: всё серое, а киоск – тёмно-зелёный. Нет, не только киоск цвет приобрёл. Но как же...

Бах!

Глава 4. Октябрь, 2008

Садануло под зад меня душевно. Очухался – носом в асфальт упираюсь. В грязный мокрый асфальт. Ладони горят, локти горят, колени... Всю кожу свёз. Рядом тормоза пискнули, дверца хлопнула. Каблучки цок-цок-цок. Затихли.

Я повернул голову.

– Андрей?!

Женщина, стоящая возле меня, отшатнулась, вскинула руки, закрывая кулачками рот. В глазах – то ли ужас, то ли радость, не разберёшь. Дура-баба, одним словом. И машина ей под стать: шипздик корейско-отечественного производства, цвета кошачьих какашек. Терпеть такие не могу, одно название, что машина.

– Обозналась, – буркнул.

Радость в глазах женщины потухла. Остались страх и раскаяние.

– Вы не Андрей... извините. Я не хотела... Не видела.

– На дорогу смотреть надо.

Я попробовал подняться на четвереньки.

– Я смотрела... Вам больно, да?

– Больно.

Сел прямо на асфальт. Выставил перед собой ладони, демонстрируя полученные увечья. Женщина охнула, вновь кулаки ко рту дёрнулись. Не удивительно, что человека сбила. Вон, дёрганная какая!

– Ох, как же это?... Вам же в больницу надо. Давайте я скорую вызову!

Затараторила! Я оглядел её подробней. Женщина как женщина, ничего интересного. Роста среднего, фигуры неопределённой. Чернявая, остроносая, невзрачной внешности. Серые пиджак и юбка невзрачность эту только подчёркивали. Возраст? Как его определить у такой мымры? Примерно моя ровесница.

К нам начали подходить люди. Любопытные. Как же, дэтэпэ, всем интересно поглазеть.

– Мужик, ты гаишников вызывай. Она ж тебя на тротуаре сбила? – крепышок с кожаной борсеткой советует. Молодой, а пузо уже в пиджак не помещается.

– Совсем от них житья не стало. Ездют везде и людей давят. Ездют и давят, – это бабулька нарисоваться успела.

– Женщина, а туда же! Как не стыдно, – дородная матрона подходить близко не стала. Брезгливо морщила рыльце, глядя на мои окровавленные руки.

– Мужик, так ты чего не звонишь? У тебя мобила есть? Если нету, я позвонить могу. Мне не впадлу.

Женщина озиралась затравленным зайчиком.

– Я не на тротуаре... Но я позвоню! Конечно, я же виновата, я сбила...

Развернулась, побежала к своему «лимузину».

– Что ж ты, парень, сидишь! Держи её! Уедет, и пропали твои денежки.

– Не бойсь, бабуля, не уйдёт. Я номера уже срисовал.

Женщина сбегать с места происшествия не собиралась. А вот мне не мешало бы. ГАИ вызывать – ишь чего удумали. С ментами пообщаться мне сейчас в самый раз. Какой там у нас год на дворе? Две тысячи восьмой? Значит, должен Карташов Геннадий Викторович нары давить, а не по улицам бегать.

Поднялся я на ноги, остановил начавшую набирать номер женщину.

– Не надо ГАИ. И скорую не надо. Ничего страшного, просто кожу свёз. До свадьбы заживёт.

– Но как же...

– Не надо, я сказал.

– Да что же ты, парень! Она же тебя чуть не задавила.

– Зря, мужик, зря. Тётка конкретно на деньги попала.

Интересующиеся, поняв, что представление закончилось, начали расходиться. Только женщина всё стояла рядом со своим шипздиком, сжимала в кулачке не понадобившийся телефон. Стояла и смотрела на меня.

– И что мне теперь делать?

Я даже скривился от такого вопроса. Злость на неё уже прошла. Понимал – не виновата эта остроносая ни в чём. Никак она затормозить не успевала, когда я рядом с бампером «материализовался».

– Езжайте, куда ехали.

– А вы?

– А я пойду, куда шёл.

– Нет, так нельзя. Куда же вы пойдёте, у вас руки содраны! И брюки порвались. Вы, в самом деле, в больницу не хотите?

– Не хочу.

– Тогда... тогда я вас домой отвезу. – Я не успел отказаться, как она уточнила: – К себе домой.

Сказала и губы поджала. И столько упрямства было во взгляде, что я удивился. Не ожидал от неё такого. Хотел отказаться... и передумал. Почему бы и нет? Надо же где-то себя в порядок привести. На улице меня в таком виде заметут в два счёта. А главное – разобраться следует, что за фокус с хронобраслетом вышел. Почему отключился он ни с того, ни с сего? Раньше подобных финтов не выкидывал, работал исправно.

Я пожал плечами.

– Ну поехали.

На заднем сидении шипздика оказалось не так и тесно. Трое, естественно, не поместятся, а двое – вполне. Один же я восседал, что твой король. Вела женщина аккуратно, но уж больно напряжённо, прямо таки ложилась на руль. Недавно водит? Или нервничает, что мужик незнакомый в затылок дышит? Сама напросилась.

Пока ехали, попытался я с «браслетом» разобраться. И самые худшие мои опасения подтвердились: он не включался. Жал я кнопочки на нём и так и эдак – никакой реакции. Табло не светится, стрелки будто приклеенные. Мёртвый кусок железа и пластика. Сломалась хитрая Радикова игрушка.

Такая тоска навалилась на меня, взвыл бы, честное слово, если бы не эта, за рулём. Да, недалеко я в прошлое забрался! Меньше года? Спросил, не думая, что вопрос может показаться странным:

– Какое сегодня число?

– Третье. – Помедлив, добавила: – Октября.

– Год две тысячи восьмой?

– Да.

Вот так. А мечтал – неделька, и всё исправлю! Всё хорошо будет... Исправил, мать твою...

Всю дорогу просидел я в какой-то прострации. Не помню, куда она меня везла. И как из машины вышли, как на лифте поднимались, не помню. Ничего не видел, ни подъезд, ни квартиру её. Тоска была – хуже серости из межвременья. Хуже... Сравнил! Да серость та мне милее милой показалась. Что угодно отдать готов был, чтобы ещё раз её увидеть. Руку? Берите руку. Глаз? Да пожалуйста! Богу готов был молиться – а ведь не молился никогда. «Господи, зачем ты так надо мной издеваешься? Дал надежду, и тут же её забираешь! Ничего у тебя не прошу, никакого чуда. Только пусть хронобраслет снова заработает. А дальше я сам...»

Очнулся я от этих разговоров с богом, когда Ирина – так женщину звали – потребовала, чтобы раздевался. Пиджак, свитер, брюки, рубашу – всё чтобы снимал, до исподнего. «Раны обрабатывать будем». Ну разделся. Что мне, трусов своих перед бабой стесняться, что ли?

Промыла она мне ссадины, йодом намазала, забинтовала. И всё время боялась, что больно мне делает. Эх, милая, не знаешь ты той боли, что мне вытерпеть пришлось!

Не отпустила меня Ирина и после того, как «лечение» закончила. Брюки, мол, зашивать нужно, рубашу стирать, и так далее. Я не спорил. Спешить мне теперь было некуда и незачем. Натянул предложенные взамен изъятых вещей шорты – думал мужнины, оказалось дочкины – и поплёлся на кухню обедать. А потом улёгся на диван, «отдохнуть после пережитого стресса». Не заметил, когда закимарил.

Проснулся – за окном вечер. На балконе сушились выстиранные рубашка, свитер, носки. А на спинке стула рядом с диваном красовался костюм, тёмно-серый, добротный, по всему виду – не из «секонд хенда».

Костюм меня возмутил. Тут и считать не надо – оставшихся у меня денег не хватит на такую покупку. Но Ирина была неумолима. Мол, виновата, из-за неё человек пострадал, покалечился, чуть не погиб. Должна хоть как-то компенсировать. И материальные потери и... вообще.

Что там за «вообще», она не распространялась. Но я посмотрел в её тёмно-карие глаза, и понял – застрял. Не просто в этом времени – в квартире этой женщины застрял.

Вскоре я знал, что Ирина жила в пусть достаточно просторной и современной, но однокомнатной квартире вдвоём со взрослой дочерью-студенткой. Сейчас дочь отсутствовала – уехала на соревнования. Квартиру они купили в кредит пять лет назад. «Да так удачно получилось – всё погасить успели, и за квартиру, и за машину. Как раз перед этим дурацким кризисом последние взносы выплатили. Не пострадали». Работала она переводчиком в одной богатенькой фирме, «с иностранным инвестором». Оттуда и квартира, и машина, и обстановочка недурственная. А прежде жили они в городке одном мелком, в Штеровске. Ирина там в школе работала, учительницей. «Но разве на те гроши можно ребёнка вырастить, на ноги поднять? Тем более, в одиночку?»

Учительница... Как сказала об этом, сразу будто роднее стала. Почти сестра. И теплом потянуло из моего прошло, такого далёкого уже... Нет, в школе я работал не из-за каких-то там высоких идеалов и прочей дребедени, которой нас на педсоветах начальство потчевало. Какой из меня Ушинский-Песталоцци? Сами понимаете – никакой. Физрук я, этим всё сказано. Но работа была по душе. Положа руку на сердце – нравилось с ребятнёй возиться. Это же здорово, когда на твоих глазах вчерашняя мелкота сопливая превращается в парней и девушек. И от тебя во многом зависит, чтобы парни вырастали сильными и крепкими, а девушки – гибкими и стройными. Никогда не жалел о выбранной профессии. А что платили гроши... Это да, было, и никуда не делось, к сожалению. И подрабатывать приходилось, где

и кем – не упомнишь даже всего. Но не жалел. И если бы всю жизнь так прожить позволили, счастлив был бы. Не позволили...

О муже Ирина не упомянула ни разу. Если и существовал он когда в природе, то памяти о себе не оставил. Зато о дочери могла рассказывать часами. Та и умница, и отличница, и красавица. Насчёт красавицы уверен я не был. С фотографий на стене смотрела девушка с серьёзным, чуть скуластым лицом, коротко стриженными тёмными волосами, тонкой ниточкой упрямо сжатых губ. Тёмные волосы, собственно говоря, единственное, чем она походила на мать. Всё остальное взяла от своего неизвестного папаши. И рот, и нос, и скулы. Хорошее лицо получилось, выразительное. Но не красивое. А разве красота – это главное? Вот то, что и спортсменка, и отличница – замечательно. Стало быть, правильным человеком выросла, самостоятельным.

...Уже на вторую ночь мы с Ириной спали в одной постели. Как это получилось? Не знаю, я особенно не задумывался. Получилось. Может, и неправильно, что так быстро и не задумываясь...

Вот со Светланой у нас всё правильно происходило. Она в молодости красавицей писанной была. Королева. Волосы – что твоё золото, губы, глаза, фигура. Хоть и деревенская, а королева! И познакомились мы правильно – на дискотеке в городском парке. Она только-только приехала, в институт поступала. В воскресенье с подругой на дискотеку пошли, а там к ним какая-то шпана малолетняя задирается полезла – этого «добра» у нас во все времена хватало. Мы с парнями неподалёку гуляли, заметили, подошли. Шпана сразу отвяла, даже учить не пришлось. Так и познакомились, глаз друг на дружку положили. Я, конечно, не красавец, но парень был видный, плечистый. Спортсмен. Городской, опять же.

Затем свидания пошли, цветы, стихи, прогулки при луне. До свадьбы – ни-ни! Всё по правилам. Затем семейная жизнь, как говорится, «в любви и согласии». Во всём друг другу помогали, всё друг о друге знали. Доверяли, больше, чем себе самому. Всё у нас было замечательно... неполных пятнадцать лет. А потом закончилось.

Об Ирине я знал лишь то, что она мне рассказала. Она обо мне – и того меньше. И ничего не расспрашивала. Кто я, откуда, зачем? Принимала, какой есть. Уходила на работу, оставляя самого в квартире. Не опасалась, что обнесу до нитки? Что рецидивист или маньяк какой-нибудь? Разве можно так доверять человеку, которого никогда прежде не видела, которого знаешь считанные часы? Разве вообще можно доверять человеку? Когда-то и я умел. Разучился.

Ирина была словно не от мира сего. Странная, похожая на выросшего, но не повзрослевшего до конца ребёнка. Но мне было хорошо с этой странной женщиной. Тепло, уютно. Покойно. Забыть я успел, что так бывает. Она позволяла мне, человеку, у которого отобрали и прошлое, и будущее, пожить одним днём, сегодняшним.

Ирина ничем не походила на мою бывшую жену. И любовью занималась не так. Жадно, страстно, будто несколько лет мужика в постели не имела. И вместе с тем – настороженно. Страшилась, что не по-настоящему это? Шутка какая-то глупая? Или сон? Сделает она что-то не так, слово скажет невпопад, и всё закончится? Потому молчала? Лишь на третью нашу ночь совместную она решилась спросить:

– Гена, а в две тысячи первом ты случайно в Крыму не был?

Я аж вздрогнул. Этот год – словно чёрная клякса на всей моей жизни. Не люблю, когда кто-то его упоминает. Помолчал, потом ответил, стараясь, чтобы голос не прозвучал резко и грубо:

– Нет. А что?

– Я там с одним человеком познакомилась...

Она замолчала, надолго. Я уж подумал, что заснула. Но она не заснула, продолжала думать всё о том же.

- Он на тебя был очень похож, только старше. Он тогда был старше, чем ты сейчас.
- Это ты меня с ним перепутала? Там, на дороге?
- Да.

«И в дом привела, и спишь ты со мной поэтому? Не со мной, с тем своим другом спишь?» Не задал я эти вопросы. Разве женщине такое говорят? Понял, из-за чего она меня к себе притащила, из-за чего кормит, обстирывает, и ладно.

Вместо этого спросил:

- И что с ним стало? С человеком тем?

Думал, скажет, – «Ушёл. Жизнь так сложилась...» А услышал:

- Его больше нет.

Значит, тем более, нечего обижаться, ревновать. К мёртвым не ревнуют.

- Извини.

- Ничего. Это ведь так давно было...

На следующее утро проснулся я от устроенного Ириной переполоха. Она металась по комнате, разбрасывая в разные стороны колготы и блузки:

– У нас сегодня встреча важная, испанский партнёр прилетает! А я проспала! Опозываю!

- Что ж ты будильник не завела?

– Да заводила я! А он ночью остановился. Батарейка, что ли, села? Меня босс съест без горчицы!

Она, наконец, оделась, умчалась, расчёсываясь на ходу. А я лежал и размышлял о том, какие мелочи влияют на жизнь человеческую. Батарейка копейная становится причиной нешуточных неприятностей... и тут в мозгах у меня щёлкнуло. Батарейка! Хронобраслет Радкин тоже должен от какой-то батарейки работать.

С постели меня будто ветром сдуло. Схватил браслет, перевернул кверху попой. Да, есть зазорчик, задняя крышка сниматься должна, как без этого. Но снять её – проблема. Какой инструмент найдёшь в квартире, где две бабы живут? Молоток расшатанный, плоскогубцы да две отвёртки, такие затёрханные, что ими только в носу ковыряться. Делать нечего, оделся я побыстрячку и мотнул на рынок.

Набор часовых инструментов я нашёл быстро. Купил. Хотел уже назад возвращаться и тут смекаю – эге, что же получится? Открою я часики, вытащу батарейку севшую, и дальше как? На что мне её заменить? Опять на рынок переться? Заранее не купишь, неизвестно, что там Радик воткнул.

Хорошая мысль и вовремя в голову пришла! Мастерскую по ремонту машин времени я развернул в скверике между рынком и автовокзалом. Устроился на лавочке, разложил на купленной в ближайшем киоске газете инструмент. И приступил.

Разобраться с крышкой у меня получилось минут за пять. Внутри прибора обнаружили микросхемки, коробочка махонькая, пимпочки разноцветные, на диоды смахивающие. Не механика, ясное дело. Я во всю эту страхомудрию не то, что отвёрткой совать, дышать побоялся. Сломаю что ненароком, тогда точно – каюк. Но батарейка там была! Вернее, аккумулятор многоразовый. Стандартная таблетка, немного больше часовой. Как в играх карманных, где яйца там ловят или гонки. Сидит, стерва, в зажимах и скалится надо мной! А я уж думал – всё, жизнь закончилась. Из-за ерунды такой!

Получилось всё в лучшем виде. Едва я свежую батарейку вставил, включил – заработали «часики». Циферки снова светятся, верньеры углы выставляют. Как мне сразу полегчало! Будто мешок тяжёлый тащил хрен знает сколько, а теперь сбросил. По такому случаю и накатить не грех. И хрен с ними, с ментами. Пусть попробуют доклепаться, пусть рискнут

в отделение повести. Нажму кнопку – и фьють, нет меня! Ищи ветра в поле. Как в песне – «Мой адрес не дом и не улица»...

Вернулся я домой – как быстро квартира Ирины стала для меня домом! – как раз к обеду. В желудке плескались два бокала пива, в кармане позвякивали упаковка батареек, два аккумулятора – старый, Радиков, и точно такой же новый – и, разумеется, зарядное к ним. А ещё я купил часы. Настоящие, механические. Чтобы когда ТАМ буду, своё собственное время считать.

Вернулся я в настроении великолепном. Внутри так и пело. Ещё бы – хронобраслет отремонтировал! И пиво сказывалось, естественно.

А дома меня ждал сюрприз.

– Гена, познакомьтесь. Это моя дочь, Александра.

Высокая, почти с меня ростом девушка стояла в дверях комнаты. Смотрела в упор, не стесняясь. С чего я решил, что она некрасива? Конечно, она не походила на смазливых красоток с обложек глянцевого журналов. Но она была прекрасна! Я раньше считал королевой Светлану? Рядом с этой девушкой бывшая жена могла претендовать разве что... на баронессу.

Сердце замерло на секунду. И застучало так быстро, что меня жаром обдало. Во рту пересохло, на приветствие ответил с трудом. Что это на меня нашло? Понять не мог, а справиться с этим – тем более.

Ирина обеспокоено перевела взгляд с меня на дочь, будто почуяла что-то неладное. Вымолвила нехотя:

– Вы тут знакомьтесь, а я побежала. Мне на работу пора, перерыв заканчивается.

Она уже в дверях была, когда я вспомнил. Ухватился, будто за соломинку:

– Что у тебя на работе-то? Неприятностей не было?

– А? Нет, я успела. Рейс задержали, так что всё обошлось.

Дверь захлопнулась.

– Пошли, Гена. Буду вас борщом кормить, – девушка улыбнулась и кивнула, приглашая на кухню.

Ели мы в полном молчании. Она то и дело поглядывала на меня с интересом, я же голову не мог поднять под этими взглядами. А когда с обедом покончили, Александра предложила:

– Так что, поговорим, Гена?

Ударение она сделала на моём имени. Произнесла его так, что ясно стало – согласия моего на разговор не требуется. И тени сомнения не оставалось, кто в этой квартире настоящая хозяйка.

– Поговорим.

– Хочу, чтобы ты ситуацию правильно понял. Если матери показалось, что ты на кого-то похож, то это ещё не причина ей голову морочить. Нет, если у вас серьёзное намечается, то ради бога! Я только «за», я её счастью не враг. Но если ты поальфонситься решил, попользоваться на дармовщинку... Ты недавно освободился, я права? Так вот, если подобные мыслишки в голове крутятся – выбрось сразу. И мотай отсюда по-хорошему. А не то...

Она положила ладонь мне на пальцы и сжала. Сердечно так. Сразу вспомнилось – не по гимнастике художественной соревнования у неё были, по дзюдо.

– Уразумел, Гена? Так что думай. До вечера у тебя время есть.

Чего ж тут не «уразуметь»? И думать мне особо не о чем. Это если бы Радиков хронобраслет в самом деле сломался, тогда да. Тогда покумекать ох как хорошо следовало бы о случайно встреченной женщине, с которой мне тепло и покойно. А так – не судьба. Другая

у меня цель, другая задача. Пересеклись наши курсы на миг и вновь расходятся. Их – по течению, в будущее, мой – бейдевинд.

К вечеру аккумуляторы были заряжены, и я готов в путь. Ирина пыталась меня не отпускать, причитала – «Куда же ты, на ночь глядя?». Они даже полаялись с дочкой слегка. Но голос Александры был решающий в этой семье. Я попрощался и ушёл.

Уже внизу, во дворе, Ирина меня догнала. Сунула в руки конверт:

– Возьми.

Я заглянул внутрь. Деньги! Не так уж и мало, тысячи две. Запротестовал:

– Ты что! Не надо.

– Возьми. Пригодятся.

Сжала упрямо губы, руки за спину убрала. Не переубедишь. Опять видела перед собой того, давно умершего? Что у них произошло? Не знаю, да и не моё это дело. Но обижать нельзя.

Предупредил её честно:

– Я не смогу вернуть. Скорее всего, мы никогда больше не увидимся.

– Знаю.

Во дворе темно было, и небо в тучах, луны нет. Но я всё равно увидел, что глаза Ирины полны слёз.

Глава 5. Зима, 2007

Ирина правильно говорила – её конвертик пригодился. Путешествовать в прошлое, когда с деньгами напряга нет, значительно проще. Варианты появляются. Идею добраться до две тысячи первого дешёво и быстро я отбросил сразу же – синяки от лопаты до сих пор не сошли. А если бы дачка не толстяку принадлежала, а соседу его, шахтёру? Может, уже и закопали бы Гену. Нет, лучше путешествовать медленно, но наверняка.

Новый мой план был полной противоположностью предыдущему. И претворять в жизнь я его начал, едва с Ириной простился. Из слякотной октябрьской подворотни «прыгнул» в лето. А дальше – пошло-поехало! Зачем прятаться ото всех на заброшенных дачах, мёрзнуть, спать на голом полу? Опыт показал, что толку от этого – чуть. Мне ведь важно людям на глаза не попадаться, когда «материализуюсь». И когда «исчезаю», но это не так принципиально. А пока я ТАМ, меня всё равно никто не видит! Зашёл в магазин, в музей, да хоть в контору какую, и сиди, грейся. И кушать можно между путешествиями не всухомятку, консервами и колбасой давиться, а по-человечески, в столовой.

«Зимовать» удобней всего оказалось в театре. Там столько закоулков укромных! И почти всегда пусто, народ толпится только перед началом спектакля и после. Ну, ещё в антракте. А остальное время – театр в моём распоряжении. Иногда я так удачно выскакивал, что даже спектакль посмотреть получалось. Сидишь в мягком, в тёплом, ещё и развлекают тебя. Лучший отдых от серого межвременья. Буфет, опять же. Дерут дорого, но пока в кармане хрустит, терпеть можно. «Засветился» я в театре всего дважды. Один раз уборщицу пуганул, второй – детишки полезли, куда не надо. Не верили, наверное, в бабая. Теперь верят.

Именно там, в театре, я и встретил, кого встретить не ожидал.

Я выбрался из облюбованного закутка, убедился, что никто не заметил моего «явления». Некому замечать – пусто. И в фойе пусто и тихо, хоть люстры всю светят. Значит, спектакль идёт. На всякий случай я заглянул в гардероб – убедиться. Шубки и куртки на вешалках висят, бабульки на стульчиках сидят, кемарят. Развернулся я и тоже в зрительный зал намылился. Наверх, на ярусы, там всегда места свободные имеются.

На первую ступеньку лестницы ногу поставил уже, когда в пяти метрах от меня приоткрылась дверь женского туалета, выпустила полнеющую крашенную блондинку лет сорока – сорока пяти в длинном синем платье, искрящемся в свете люстр.

Женщина взглянула на меня и вдруг вздрогнула, отшатнулась, будто привидение увидела. Будто хотела назад в туалет убежать и дверь за собой захлопнуть. Но не убежала, замерла на месте.

А потом у меня в мозгу что-то сухо щёлкнуло, как реле сработало. И я тоже остолбенел. – Света?!

Губы женщины растеряно зашевелились. Говорить у неё не сразу получилось.

– Г... Гена? Я не знала, что тебя уже выпустили... А мы вот в театр приехали...

Кто это «мы», она уточнять не стала, будто всем и так известно, о ком речь идёт. Но я как раз и не знал. Ничего о ней не знал с тех пор, как развели нас, и она уехала. Продала квартиру и уехала из города. Бросила меня. Оставила один на один с зоной. Один на один с жизнью...

– Я пойду... – она прикрыла дверь туалета, сделала быстрый шаг в сторону партера.

– Света, подожди! – сам не заметил, как оказался рядом, схватил за руку. – Да подожди ты! Чего убегаешь? Что я тебе сделаю-то?

Сколько лет мы не виделись? Семь прошло, как она последний раз на свидание приходила. Нет, четыре с половиной – отсюда. Светлана изменилась сильно. Обрюзгла, оплыла, какие-то двойные подбородки, волосы красить начала. И губы дряблыми стали, дрожат.

– Гена, я знаю, я должна тебе за квартиру. Я обязательно отдам! Я тебе пришлю, найду и пришлю. У меня нету сейчас... подожди... – она полезла в сумочку, достала несколько купюр, сунула мне в руку: – Вот, больше нету, честно! Но я быстро найду...

Я не выдержал, гаркнул:

– Прекрати! Света, разве дело в деньгах? Ты же меня бросила! Представляешь, каково мне было на зоне? Я только и жил тем, что ждал свиданий с тобой. А ты – бросила. Почему?!

– Я бросила?! – из глаз у неё потекли слёзы, размазывая тушь на ресницах. – А что мне делать оставалось? После того, как ты...

– Что – я?! Ты же знала – я не виноват. Подставили меня!

– Знала. А остальные? Ты не видел, что здесь творилось, когда тебя посадили. Со мной соседи не разговаривали, подруги смотрели, как на прокажённую. Меня с работы уйти вынудили.

Светлана ревела, и грязные ручейки слёз текли по её щекам.

– Гена,пусти меня, пожалуйста. У меня другая жизнь... Сыну три года...

Она ждала каких-то моих слов? Я молчал. Тогда она вытащила из сумки платок и, сморкаясь на ходу, пошла назад в туалет. А я смотрел на неё и видел не прежнюю королеву, а обыкновенную тётку. Стареющую пугливую наседку. И так мне жалко её стало! Вся обида, вся злость ушла. «Ничего, Света, я исправлю. Вернусь назад и исправлю. И всё будет хорошо».

Глава 6. Осень, 2006

Светлану я встретил во второй моей «театральной зимовке». А уже осенью со мной ещё одно происшествие приключилось.

Завёл я обычай – отдыхать два-три дня после «зимовки». С полным комфортом, в гостинице. Чтобы отоспаться можно было, отмыться, аккумулятор подзарядить. Гостиницу для этих целей я выбрал попроще. Четырёхэтажное кирпичное здание советской постройки, без всяких нынешних наворотов в тихом, спокойном районе. Мало людей, мало машин, неширокая улица, ведущая от центра вниз, к ставкам. Одноместные номера здесь стоили

вполне приемлемо, и внутри всё выглядело чистенько, аккуратно. Удобства, опять же, в номере. Первый раз я выбирал пристанище достаточно долго и придирчиво, чуть ли не полдня потратил. Во второй раз направился напрямик сюда.

В гостинице ничего не изменилось, всё, как и год назад. Вернее, как вчера по моему времени и как год вперёд по ихнему. Вестибюль, выкрашенный в какой-то неопределённый серо-голубой цвет, фикусы и пальмы в кадках. Налево, вдоль стены – диванчики дерматиновые, столик с журналами, телефон-автомат. Направо – комнатка администратора с окошком, зев коридора, лестница.

Я подошёл к окошку, улыбнулся.

– Здравствуйте. Свободные номера есть?

Всем своим видом старался показать, какой я хороший, порядочный человек. Совершенно не подозрительный. Знаю, шрам, рассекающий левую бровь, очень мешает быть «не подозрительным». Но что поделаешь!

Не всё в гостинице осталось неизменным. Администратор была не та, что в прошлый раз. Место вежливой симпатичной девушки заняла тётка гренадёрского вида. А лицо-то, лицо какое! Как говорится, за день не... Уже и не лицо почти.

Я тут же пожурил себя. Не дал бог внешности человеку, зато душа у неё добрая. Наверное...

Хозяйка окошка смерила меня оценивающим взглядом. Прощедила:

– Имеются. Будете брать?

– Да.

Она ткнула мне под нос бумажку анкеты. Даже ручку не предложила, пока не попросил. Видно, с душой Господь тоже не расщедрился.

Анкету я заполнил быстро. Сунул назад, вместе с паспортом. Тётка дотошно пошебуршила страницами, где-то в середине остановилась. Отлистала назад. Вновь придирчиво уставилась на меня. С фотографией, что ли, случает? Да я это, я. Паспорт не фальшивый, и в розыске не числюсь. Вроде бы.

– У вас что, местная прописка? Трубная, двадцать шесть?

– Да, – я кивнул. Трубная, двадцать шесть, общежитие трамвайно-троллейбусного управления. Именно там меня и прописали после выхода из колонии. Так как собственного жилья не имею. – А что, какие-то проблемы с адресом?

– С адресом проблем нет. Но у вас тут стоит дата прописки – шестое марта две тысячи девятого года. Как это понимать?

Улыбка на моём лице стала деревянной. Нет, хуже – я весь одеревенел. Будто провалился в ледяную прорубь. Кажется, даже сердце остановилось. А ведь в самом деле, прописка у меня две тысячи девятым отмечена! А сейчас – две тысячи шестой на дворе. Как же я мог забыть об этом? «Времяплаватель», блин, «хрононавигатор»... Хроник! И как меня до сих пор не прищучили? Везло, дотошных тёток не попадалось. А теперь везение закончилось.

Она всё ещё смотрела на меня, ждала объяснений. Я пожал плечами, стараясь оставаться невозмутимым.

– Знаю. Паспортистка ошиблась. Все мы люди, никто от ошибок не застрахован. Или вы думаете, что я к вам из будущего прилетел?

Последнюю фразу говорить не стоило. С юмором у тётки-гренадёра была та же фигня, что с внешностью и душой. Галушкообразная губа брезгливо оттопырилась.

– Шутки шутить с женой будете. Почему сразу не исправили?

– Да я поздно заметил, а потом некогда было в паспортный стол сходить.

– Мужчина, вы что, издеваетесь? У вас паспорт недействителен.

– Это с какой радости он у меня не действителен?

– Потому что испорчен!

– Ой, бросьте. Для всех действителен, а для вас недействителен. Подумаешь, циферки перепутали.

Тётка вновь уткнулась в мой паспорт.

– Что значит, перепутали? Двухтысячный должен стоять? Так вас выписали в две тысячи втором.

– Нет, год и месяц перепутали. Не ноль третьего девятого, а девятого ноль третьего.

– Что вы мне очки втираете! Месяц прописью пишется.

Точно, блин! На кой я вообще завёлся с этими объяснениями? Уходить отсюда следовало, едва заминка возникла.

– Не нравится вам мой паспорт, пойду в другую гостиницу. Давайте.

Я требовательно протянул руку в окошко. Тётка тут же накрыла мой документ ладонью.

– Да не отдам я вам.

– Как это, не отдадите?

– А так. Откуда я знаю, кто вы такой? Может, шпион или террорист?

– Права не имеете, по закону. Между прочим, в самом паспорте написано: «Изымать у граждан запрещено».

– Вот я милицию вызову, им и объясните. По закону.

И быстро сунула паспорт в ящик стола. Дело принимало оборот хреновый. А тётка уже подняла телефонную трубку, звала:

– Витя, а подойди ко мне. Срочно.

Кто такой Витя? Мент здесь дежурит или местная охрана? По-любому, мне пора было делать ноги. Но паспорт! Пусть даже с «неправильной» пропиской, это был мой единственный документ.

Времени дня размышлений не оставалось. Уходить так или попытаться вернуть? А, была, не была!

Дверь в комнату администратора находилась за углом, в начале коридора, перед лестницей – это я помнил с прошлого раза. Шесть шагов, повернуть и ещё два.

По коридору спешили два крепышка в серой форме охраны. «Вити». Я врезал ногой по двери – прямо под ручку, чтобы замок выбить. Уверен был, что заперта. Но дверь распахнулась от удара, и я влетел внутрь, что твоё ядро. Тётка взвизгнула, вскочила, метнулась к окну – откуда прыть в таких телесах? – заорала благим матом:

– Витя! Витя!

Не обращая на неё внимания, я выдернул ящик стола. Ага, вот он, родимый, сверху лежит. Хорошо, тётка не додумалась засунуть куда-нибудь. Схватил паспорт, развернулся...

«Вити» стояли в дверях кабинета, отрезали пути отступления. Все, кроме одного. Я включил хронобраслет.

Выставлять углы атаки времени не оставалось. Вновь предстояло прыгать без подготовки, наобум. Я нажал пуск в тот самый момент, когда четыре дюжих пятерни вцепились мне в плечи...

Такого эффекта я не ожидал! Я утащил охранников вслед за собой. Тётка-администраторша растаяла почти мгновенно, предметы вокруг начали расплываться, знакомая серость заполнила кабинет, лишь «виты» оставались «цветными». Представляю, как они удивились! Глаза из орбит выползать начали, губы шевелятся – наверняка матом меня кроют. Но звук в межвременье выключен начисто.

Утащить-то пацанов я утащил, но в фокус хронобраслета одни руки их попали. И кино пошло ещё то! Башмаки, пояса, штаны вместе с труселями на «витях» таять начали. Быстро так – серыми хлопьями потекло всё, и нету.

«Кина» надолго не хватило. Не выдержали у «вить» мозги такого перенапряжения. Отпустили они меня, сначала один, потом и второй. И только руки убирает – бац, расплылся вслед за одежкой. Интересно, куда их вывалило? Если в будущее я «скакнул», то ещё ничего, ещё так-сяк. А если в прошлое? Вот картинка будет! Сидит тётка в своей комнатёнке, и вдруг прямо перед ней «витя» из воздуха прорисовывается, голый ниже пояса. Скандал! Особенно, если у стойки клиент стоит.

Я картинку эту будто воочию увидел. И такой смех меня разобрал, еле на ногах устоял. Это же надо – тётка, вся строгая из себя, губу оттопыривает, а перед ней «витя» с глазами выпученными, причандалом трясёт. И поделом, нечего хамить людям! Паспорт ей, видишь ли, недействителен!

Смеюсь, а сам понимаю, что не ко времени веселье, сваливать подальше нужно. Потому как шум вокруг этой гостиницы надолго поднимется. И если в будущее я двинул, то светиться тут резона нет никакого.

Вывалился я из комнатухи, дальше – на улицу. Прочь от этой гостиницы.

Глава 7. Лето, 2006

Выключил хронобраслет я минут через сорок. Ходить сквозь «кисель» я уже привык, да его особо и не чувствовалось, разве что сначала, возле гостиницы. А дальше – переулками, переулками, и в частный сектор я вышел. Народу там всегда меньше, потому и идти легче, и «выныривать» безопасней. Выбирай местечко поукромней, где-нибудь между заборами, и жми.

В этот раз я «материализовался» удачно. То ли вечер поздний стоит, то ли ночь – окна в домах не светятся, народ спит. На небе серпик луны тоненький, сверчки трещат, свежескошенной травой пахнет, тепло! Значит, лето, значит, с направлением мне повезло, снова в прошлое сдвинулся. В общем, настроение у меня отменное! Умом понимаю – веселиться не с чего: паспорт светить нельзя из-за прописки этой дурацкой, в гостиницы не сунешься, придётся частные хаты искать, и чтобы хозяева не любопытные были. А всё равно приятно на душе. Думал, что в заварушку влип, а оказалось – приключение забавное. И справедливость как бы восторжествовала.

Выбрался я из своего «схрона», огляделся. Пусто. В самом конце улицы, там, где она в проспект упирается и светло от фонарей, парочка навстречу мне гуляет. Мужик и баба. Баба, видно, под шафе, уж больно её из стороны в сторону водит, издали видно. Мужик под руку держит, ведёт. Этим до меня дела нет никакого, а мне до них – и подавно.

Поравнялись мы метров через двадцать.

– Толик, а у этого мужчины наверняка есть закурить. Мужчина, угостите девушку сигареткой?

Язык у девахи заплетался так, что и слова с трудом разберёшь. А сама-то, сама! Губы пятном красным, вокруг глаз не пойми что, о причёске и говорить не буду. Обезьяна обезьяной. Вдобавок перегаром разит. Стараясь не скривиться от брезгливости, я буркнул:

– Не курю.

– Жалко сигаретку, что ли...

Я быстро скользнул взглядом по её спутнику – где же ты надыбал такую лярву?... И чуть не задохнулся от холодного морока, обрушившегося на меня.

Ворон. Точно, он. Я даже с шагу сбился. Но человек на это никак не отреагировал, продолжал тянуть спутницу. Даже не взглянул в мою сторону. Не узнал. Чему удивляться? Во-первых, темно. А во-вторых...

На своей первой зоне я работал слесарем в инструментальном цехе. Там, в цехе, ближе к концу смены, всё и началось.

Ворон, до того неспешно прогуливавшийся между станками – работником он только числился, по воровским понятиям пачкать руки солидолом было западло, – вдруг шагнул ко мне и, не говоря ни слова, положил на верстак остро заточенный электрод. Это у него получилось так ловко, что и не поймёшь, где прятал.

Я застыл с рашпилем в руках. А он засмеялся тихо.

– Зёма, ты что балуешься? Спрячь игрушку. Не ровен час, суки увидят.

Я послушно накрыл заточку ветошью. Ворон у нас в отряде был «смотрящим». Невысокого роста, но крепкий, коренастый, черноволосый и черноглазый. Должно быть, за это и кличку получил. Хотя может, и по другой какой причине? Меня его кличка не интересовала, как и статья, по которой он отбывал срок. Знал я лишь, что ходка эта у Ворона не первая, и до воли ему осталось всего-ничего.

– Зёма, мне тут сорока на хвосте принесла, что статья у тебя нехорошая. Мохнатая кража, да ещё у малолетки.

Я скрипнул зубами. В СИЗО тоже допытывались, какую статью шьют. Но в камере настоящих блатных не было, так, шпана мелкая. И мозги там у каждого своими проблемами заняты. Как увидят, что в несознанку человек идёт, с вопросами больше не лезут. Кому охота, чтобы его за суку приняли?

На зоне меня тоже месяц не трогали. Думал, здесь и дела нет никому, кто за что сидит, лишь бы человек сам на рожон не пёр. Получается, присматривались?

– Подстава это ментовская, – буркнул я вполголоса.

Ворон не возражал.

– И это слышал. И мужик ты вроде правильный, не ссученный. Но пацаны не верят. Да и как поверить – в отрицалово не идёшь, масти непонятной. – Он помолчал. Потом добавил тихо: – Пацаны говорят, опустить тебя надо, по закону нашему. Если не докажешь, что форшманули.

Я стоял неподвижно, как столб. Ворон заметил это, посоветовал:

– Ты работай, работай. Я тут кубатурил, как тебе доказать, что не лохматый. Игрушку я не зря принёс. В третьем отряде человека одного поучить надо. Да не пугайся ты! Он не из блатных, мужик. С воли малява пришла, должен там кому-то остался, или ещё что. В общем, сунешь ему пику под ребро, и предъяв к тебе больше нет.

Хоть Ворон говорил и вполголоса, но мне казалось, что сейчас весь цех слушает наш разговор, весь цех смотрит на нас. По виску побежала струйка пота. Вытер я её ладонью, качнул головой.

– Я не буду никого убивать.

– Кто ж тебя, фраера, урыть его заставляет? Ткни пикой, и всё. Чтобы понял – замочат, если долг не отдаст.

– Я всё равно не буду.

– Не кипишуй, зёма. Какой у тебя выбор? В петушиный угол хочешь? А так добавят тебе срока малёхо, зато по другой статье пойдёшь.

Он ловко выхватил заточку из-под ветоши. Просто пальцами шевельнул, и уже в рукаве она, не увидишь.

– Я сказал, ты думай.

На раздумья мне дали сутки. А уже следующей ночью решили поторопить.

– Хватит спать. Слезай со шконки, – Булавка, парень лет восемнадцати, попавший к нам на зону с малолетки, дёргал меня за плечо.

– Чево?

– «Чево»? Слезай, говорю.

– Зачем?

– Да не бзди. Ворон говорить с тобой хочет.

Я подчинился. Спрыгнул со шконки, спросонья плохо понимая происходящее. Хотел одеться, но Булавка не дал, повёл в умывальник, «чтоб пацанам спать не мешать». Сердце заныло от нехорошего предчувствия. Вспомнил, как в армии молодых так же водили, «на разговор». Но то армия, там силу уважали. Меня, здорового бугая, успевшего получить первый взрослый по плаванию, деды не трогали. Здесь же физическая сила значила мало, здесь жили «по понятиям». Я лихорадочно придумывал, что сказать Ворону. Как убедить, что не нужно меня трогать. Что я такой же враг ментам, как и они. Ведь это же общее правило – «враг моего врага...»

В умывальнике стояли четверо, все блатные, но Ворона среди них не было. Я открыл рот, чтобы спросить... И тут Булавка меня ударил. Сзади, по почкам.

От неожиданной боли я вскрикнул, подался вперёд... И понеслось! Со мной никто и не собирался разговаривать. Меня ломали. А я не ожидал, не готов был морально к такому. Первый раз в жизни меня били подло, без предупреждения, одного впятером.

Когда перед глазами у меня кровавые пятна поплыли, удары прекратились. Я понял, что лежу на полу, забрызганном моей собственной кровью.

– Чё, может, и опустим его сразу?

– Не, Ворон не велел пока.

Один из блатных наклонился, потянул меня за волосы.

– Чё разлётся, Спортсмен? Вставай, юшку с рожи смой, приberi здесь и – на шконку. И думай быстрее, пока Ворон добрый.

На следующий день Булавка пришёл за ответом.

– Так что, надумал? Или под шконку полезешь?

Я не ответил. Непроизвольно потрогал кончиком языка шатающийся после ночных «разговоров» зуб. И почки до сих пор ныли. Посмотрел на стоящего передо мной пацана. Вот же сволочь! Ни роста, ни веса. Шибздик. Я его одной левой вырубить могу... если один на один, а не стаей, со спины. Шакалы...

– Ты чего в молчанку играешь? – поторопил пацан. – Что Ворону передать?

– Передай, что я его законам не подчиняюсь.

Глаза у Булавки округлились от удивления. Хмыкнул, ослабил.

– Мне что, передам. За базар тебе отвечать.

Прошёл день, второй, третий. Ничего не происходило. На четвёртый меня неожиданно позвали к мастеру. Звал не блатной – такой же «мужик», как я. Потому подвоха я сразу не почувал.

– Эй, Карташов, тебя там мастер зовёт.

– Зачем?

– Почём я знаю? У него и спроси.

– А где он?

– В кайбаше у себя сидит.

Кайбаш – деревянная будка три на три метра – притулился слева от входа в цех. Там в самом деле было что-то вроде кабинета нашего мастера-вольняшки. Я неторопливо вытер руки ветошью и пошёл, размышляя, что ему могло понадобиться от меня за полчаса до конца смены. Шабашка какая? Вряд ли. Слесарь из меня так себе – заусеницы с заготовок рашпилем обтачивать. Тут мужики и вправду с золотыми руками есть. Такое творят – не увидел бы, не поверил.

Я бы и в дверь зашёл так же, размышляя. Но в последнюю минуту что-то тенькнуло внутри, заставило оглянуться. И заметить Булавку, нарисовавшегося у меня за спиной.

Дальше я действовал по наитию. Резко шагнул назад, сграбастал шпанёнка за грудки, дёрнул на себя. Первый, ничего не спрашивая, не требуя объяснений. Он не ожидал подобного. Попробовал трепыхнуться, но силёнки-то не ровня моим. Я бросился вперёд, распахнул дверь кайбаша его спиной...

Хрясь! Обрезок двухдюймовой стальной трубы обрушился прямо на темя Булавки. Били в полсилы, чтобы оглушить только. Но видно, чёрный день был у шпанёнка, или черепашка хрупкой оказалась. Голова треснула, выпуская мозги и душу несостоявшегося рецидивиста.

Это всё я потом узнал. А тогда думать о здоровье шпанёнка мне некогда было. Двое блатных, из тех, «разговорчивых», поджидали меня в кайбаше. Неожданное появление Булавки, а особенно его раскроенный череп, сбили их с толку, остановили на несколько секунд. И мне этих секунд хватило. Не думая, что будет дальше, я подхватил тяжёлый, крепко сбитый табурет и пошёл молотить. И уркам пришлось не бить, а отбиваться. А я лупил, лупил, лупил что твой ураган. Вышиб трубу из рук одного, загнал второго под перевернувшийся стол. Так хотелось размозжить эти рожи! В кровянку, в месиво...

Бомммм... В голове будто царь-колокол грянул. В глазах всё дёрнулось, раздвоилось, ноги сделались слабыми, не устоять. Я рухнул на колени. Урки тут же выскользнули из кайбаша, а надо мной склонилось лицо Ворона.

– Так что, зёма, законам нашим подчиняться не хочешь? А ты знаешь, что с такими делают?

В руках смотрящий держал отрезок трубы. Тот самый, что я выбил у его «братана». Рука начала двигаться, заходя на новый размах... И остановилась. Ворон резко оглянулся на что-то, чего я уже не мог разглядеть. Наклонился, и я почувствовал холод стали в собственных пальцах.

– Радуйся, сегодня поживёшь ещё. Но я тебя достану. На любой зоне достану.

Он выпрямился, закричал кому-то в цех:

– Гражданин начальник! Это здесь! Беспредельщик с мужиком друг друга поубивали. И всё потухло.

Очнулся я в больничке. Узнал, что Булавка помер на месте. На него всё и списали, как на зачинщика драки. Мне в ней тоже досталось неплохо – трещина основания черепа, сотрясение мозга. Провалился я в больничке два месяца. А как очухался немного – на этап и в другую зону. И там всё повторилось по-новой. Попытки унижить, драки. И каждодневное, еженощное ожидание смерти. Не жизнь, не существование даже – борьба за выживание. Как же я их возненавидел, эту блатату! Мечтал, если выживу, выйду – сам убивать начну. Находить буду, отслеживать и мочить. Одного за другим.

Нет, на самом деле меня не пытались убить, это вышло бы не «по-понятиям». Меня следовало опустить. Я семь лет не мог понять, почему не опустили? Ведь могли, десятки раз могли, избитого до полусмерти, в бессознательном состоянии.

И только когда вышел, когда снова мозги работать начали, а не одни инстинкты и рефлексы, сообразил я, в чём дело. Они боялись! Печёнкой чувствовали – со мной так нельзя. Потому что тогда – всё, беспредел. На смерть пойду, а «законтачу» обидчиков. Заложниками они собственных «законов» стали. И единственный выход для них был – сломать меня.

Список ломавших был длинный, но охотником на них я не сделался. Когда справку получил, в гражданку переоделся, когда захлопнулась за спиной железная дверь, и вдохнул полные лёгкие воздуха – вкусного весеннего воздуха свободы! – я понял вдруг, – это ведь жизнь! Моя жизнь. Не закончилась она, пусть изломали её, испоганили. Но ведь живу! Нико-

гда прежде в Бога не верил, даже там, за решёткой. В этот миг поверил. Ведь кто-то сохранил её, мою жизнь? И не для того, наверняка, чтобы я её на всякую мразь тратил. Для чего-то светлого и правильного сохранил. А семь лет пропало... Жалко, но ничего не поделаешь. Вот заболел бы я тяжело, в коме пролежал – тоже пропало бы? Потому забыть нужно. Не помнить ничего. Ни-че-го.

Но забыть не получилось. Всё вернулось, едва нос к носу с Вороном столкнулся. С первым в моём списке.

Да, он не узнал меня. Во-первых, темно. А во-вторых, не я же его бил трубой по голове, а потом лыбился в лицо. «Достану»... От одного воспоминания заныло в затылке. И я остановился. Развернулся.

Парочка успела отойти шагов на двадцать. Идут, никого не трогают. И нет им до меня никакого дела. А мне до них – есть!

Я подошёл к забору, примерился. Гвозди проржавели насквозь, еле держат. Тем лучше. Резко ударил ногой, ещё раз, вырвал штакетину. Взвесил в руке – в самый раз.

Парочку я догнал в несколько прыжков. Прежде не мог ударить человека первым. Сейчас могу. Но сзади, молча – не получилось.

– Ворон!

Он обернулся. Неторопливо, будто нехотя. И вместе с тем – почти мгновенно. Установился на меня.

– Что, не узнаёшь? А обещал достать. Считай, достал.

В чёрных глазах блеснуло узнавание. Он локтем оттолкнул свою шалашовку в сторону, в ладони щёлкнул нож, освобождая лезвие.

– Что-то рано ты откинулся, Спортсмен. Ссучился, да?

– Нет, за тобой пришёл. Долг отдать.

И врезал.

Двигался Ворон хорошо, легко уходил из-под ударов. А уж как он с ножом умел обращаться! Будь у меня в руке тоже нож – исполосовал бы на раз. Но моё оружие было на метр длиннее, и это всё меняло. Ему приходилось ждать, когда я замахнусь посильнее, ждать, чтобы сделать выпад. А я не замахивался. Неровный слом штакетины вертелся перед лицом блатного, гнал и гнал его по кругу, не давал остановиться. Не позволял закончить драку красиво и быстро, выматывал нервы. Потемневшая от времени деревяшка издевалась над остро заточенным, блестящим лезвием.

Ворон не выдержал. Попытался достать меня снизу. И напоролся. Удар был не сильным, скользящим, щёку слегка разорвал – пустяк. Но он заставил его споткнуться, сбиться с шага. Штакетина рванулась вниз, ударила по руке, выбила нож. Вот теперь я мог замахнуться от души!

Нож со звоном упал на старый истёртый асфальт. Ворон метнулся к нему, попытался дотянуться, поднять... И рухнул на колени под обрушившимся на плечи ударом. Всё, честная драка закончилась. Я наступил ногой на лезвие и начал просто бить. С оттяжкой, по чьему попало, заботясь исключительно о том, чтобы штакетина не сломалась раньше времени.

Только когда Ворон замер, не делая больше попыток увернуться, а лишь голову прикрывал руками, я остановился. Неторопливо поднял с асфальта нож.

– Давай, кончай... – прохрипел бывший смотрящий. – И меня, и биксу... чтобы без очевидцев. Чтобы пацаны не узнали, кто сделал...

Он закашлялся. Тяжёло, нутжно, хватая ртом воздух. Разбрызгивая на рубашку кровь. А я стоял и смотрел. Скольких видел таких, харкающих кровью и лёгкими! Смертников. Туберкулёз, зоновская метка. А я ещё добавил штакетиной.

Я убрал лезвие в рукоять. Затем размахнулся, зашвырнул нож – подальше, за заборы, в чей-то двор. Подошёл к пьяной девке, которая как упала на обочину от толчка Ворона, так и сидела там.

– Мобильный есть?

Она не ответила, испуганно таращилась на меня. Пришлось повторить, только после этого закивала, полезла в сумочку, извлекла телефон.

– Скорую набрать сможешь? А, дай я.

В скорой ответили. Не сразу, на втором повторе, но ответили. Как называется улица, я понятия не имел, хорошо, девка чуть пришла в себя – поняла, что убивать её никто не собирается? – подсказала. Вызов приняли. «Ждите». Как же!

Обломок шпакетины я тоже зашвырнул в огороды, повернулся, чтобы уйти. Ворон прохрипел в спину:

– Почему?.. Ты же хотел завалить... я видел...

Тогда я подошёл к нему ближе. Глянул в чёрные, полные ненависти и непонимания глаза. Объяснил:

– Потому, что я не такой, как ты. Я вашим законам не подчиняюсь. У меня – мои собственные.

Скорая проскочила мимо, когда я уже по проспекту шёл. Притормозила, свернула на нужную улицу. Быстро приехали, молодцы. Глядишь, и успеют, спасут. Не подохнет эта мразь сегодня.

В душе ворочалось что-то непонятное. Злость кипела, что не убил, не довёл дело до конца. Ведь столько лет мечтал расквитаться! Столько раз представлял, как убивать буду. Знал, – рука не дрогнет. Но когда смерть увидел – чужую смерть, от моей руки происходящую, – убивать перехотелось. Ведь это по их законам – волчьим? нет, шакальим! – убить я должен был, отомстить. Кровь за кровь, глаз за глаз! А я не хочу, я по чужим законам не живу.

И от этого вместе со злостью радость в душе поднималась. Свободен я был, по-настоящему свободен! Закрыл за собой ворота той жизни, расплатился за семь лет ненависти. Было, и нет. Будто и в самом деле, в коме пролежал все те годы.

Вновь тёплая летняя ночь приняла меня, запах травы вернулся, стрекот сверчков, серпик луны над головой. Вновь меня ждал путь в прошлое.

Глава 8. Лето, 2005

После истории с пропиской к датам я начал относиться опасливо. Проверил все вещи, что в моих карманах по времени путешествовали. Не приведи господь опять на какой-то мелочи проколоться! Уверен был – больше таких казусов, как в гостинице, не случится. Ошибся.

...Девчонка поперхнулась пивом и закашлялась. Ой, ещё и на блузку пролила. Повезло, что блузка бежевая, пятно не так заметно будет. Ну, извини, подруга. Сочувствую, но помочь не могу. И так выбрал для «материализации» самый дальний, самый безлюдный уголок просторного больничного парка. Я же не виноват, что ты здесь прогуливаешься! Но, с другой стороны я тебя понимаю. В городе жара, духота, а здесь хоть какая-то тень. Гуляла себе девушка, пивасик холодненький попивала. Может, ждала кого. А тут вдруг в кустах мужик невесту откуда нарисовался.

Я выбрался из зарослей сирени на дорожку, отряхнул пыль и насыпавшийся с веток мусор. Расстегнул пиджак. Подумал и вовсе снял – жарко. Вежливо кивнул девушке, таращившейся на меня выпученными глазами и напрочь забывшей о зажатой в руке бутылке. Здравсьте вам, до свиданья! От пивка бы и я не отказался. Пожалуй, и от чего-нибудь посыт-

нее тоже. Кушал-то когда последний раз? О-го-го! В январе две тысячи шестого. А сейчас лето две тысячи пятого. Обедать пора.

Подумал, не спросить ли у девушки, где тут ближайшая точка общепита? Одёргнул себя – не зарывайся, а то подругу удар хватит. Или того хуже, верещать начнёт. Оставил свидетельницу моей «материализации» придумывать объяснение увиденному, и пошёл по дорожке к центральному выходу.

«Столовая» – обещала прибитая на столбе, как раз напротив ворот больницы, прямоугольная, заострённая с одной стороны дощечка. Остриё показывало влево, «значит, нам туда дорога».

Метров через сто больничный двор закончился, обрезанный переулком. Здесь был ещё один указатель. Этот смотрел вдоль переулка, в сторону мединститутовских общаг. Ага, стало быть, студенческая столовка. Попробуем, чем молодёжь кормили, пока я нары давил.

Заведение и впрямь располагалось в здании одного из общежитий. Но не с фасада, там, где поднимались ступени к стеклянным дверям входа, а с торца, куда и тротуар нормальный не вёл, лишь узкая полоска асфальта, тянущаяся вдоль стены. Каждый знает, что ходить под окнами общаги не рекомендуется категорически, во избежание падения на голову предметов студенческого быта. Так что мне дважды пришлось обойти вокруг здания, прежде чем увидел последнюю стрелку, показывающую теперь вниз – на цокольный этаж. И ступеньки, убегающие под землю.

Столовая порадовала прохладой, лёгким полумраком в разгар солнечного дня. Она была маленькой, девять столиков четырёхместных. А если честно, вчетвером за таким не пообедаешь, и сидеть тесно, и тарелки приткнуть некуда. Но в одиночку – вполне комфортно и уютно. Ещё бы не пожмотничали на салфетки и перец с горчицей, а то и солонки стояли не на каждом, а в шахматном, так сказать, порядке. Причём «солоночная партия» явно близилась к эндшпилю. Ну, это в порядке вещей. Отечественный общепит, одним словом.

Единственный посетитель расположился за дальним столиком. Девушка сидела спиной к входу, клевала салатик и на меня не обратила никакого внимания. Я взглянул на неё мельком и направился к раздаче.

Меню блистало лаконичностью. Первые блюда: зелёный борщ, лапша. Вторые: биточки, сосиски. Гарниры: макароны, гречневая каша. Два вида салатов. Соки в ассортименте. Судя по цвету жидкостей в стаканах, ассортимент тоже ограничивался двумя разновидностями.

Я прошёлся вдоль раздачи, поставил на разнос тарелку салата и сок, яблочно-виноградный. Подождал. Пусто и тихо.

Девушка покончила со своим салатиком, отнесла посуду. Проходя мимо, посоветовала: – Вы позовите, а то долго ждать придётся.

Дельный совет!

– Есть кто живой?! Голодных обслуживают?

Крикнуть пришлось дважды. Затем дверь по ту сторону прилавка открылась, выпустила молодую женщину в белом халате. Маленькая, розовощёкая, круглолицая, чем-то смахивающая на поросёночка. Не жирного, а в самый раз, аппетитного такого поросёночка.

Приветливо, как будто и не ждал я её несколько минут, женщина спросила:

– Что будете кушать?

– Борщ, на второе...

– Борща нет, – тут же охладила мой пыл розовощёкая.

– А в меню...

– Варится. Лапшу будете?

– Буду. И биточки с гречкой. Биточки есть, надеюсь?

– Биточки есть, каша закончилась.

– Девушка, да что ж это у вас за голодомор?

– Каникулы, – невозмутимо объяснила «кормилица». – Студентов нет, мы много и не готовим. Макароны на гарнир ложить? Если хотите, можно пельмени сварить. Это быстро.

О пельменях она упомянула таким тоном, будто было это спецблюдо для VIP-клиентов, а мне вот снизошли. Уважают, мол. Пельмени это хорошо. Только знаю я, как оно «быстро» бывает в подобных заведениях. На варку столько времени уходит, словно фарш ещё хрюкает где-то, а не в тесто залепленный в морозильнике лежит.

Я покачал головой.

– Не нужно. Буду лапшу с макаронами есть, раз у вас такой богатый ассортимент.

«Кормилица» сочувственно развела руками, пошла к кассе. И я за ней.

Сумма чека меня неожиданно порадовала. Цены в две тысячи пятом куда ниже были, чем в две тысячи девятом. Приготовленный полтинник показался несоизмеримо крупной купюрой. Да ладно, разменяю. Положил на блюдечко.

Круглолицая ждала чего-то. Деньги не трогала, смотрела на меня, улыбалась. И я улыбнулся – не жалко. Но пауза затягивалась.

– Так сдача будет?

Женщина взяла купюру, повертела, разглядывая. Даже на просвет проверила. Боится, что фальшивая? Стопроцентной гарантии дать не могу, но вроде не должно.

– А где вы такую взяли?

Вопрос мне не понравился. Я сразу насторожился, подобрался. Привычка, годами выработанная – непонятно, значит опасно. А я не понимал, что происходит.

– Я таких денег не видела, – пояснила кассирша. – Это что, игрушечные? А сделаны, как настоящие.

От слов её у меня глаза на лоб полезли не хуже, чем у той девчонки, в больничном дворе.

– Вы что, издеваетесь? Это пятьдесят гривен, настоящие.

Женщина засмеялась. Неуверенно. Так смеются, когда знают наверняка, что услышанное – шутка, а в чём соль, не понимают, но и казаться глупой не хочется. Я веселье не подержал. Если кто здесь шутил, то не я.

Женщина чуть выдвинула ящик кассы, достала оттуда купюру. Повертела, стараясь держать от меня подальше. Тоже полтинник.

– Настоящие – вот такие. А у вас игрушечная.

Я вздохнул.

– Девушка, у вас старые купюры, а у меня новые. Видите, написано: «2005». – Сказал, а у самого тенькнуло в сердце. А что, если проскочил?! Обсчитался? Не в две тысячи пятый попал, а в две тысячи четвёртый? Не мог вроде, нет у хронобраслета такой скорости. Но вдруг?! Уточнил: – Сейчас же две тысячи пятый?

– Да, – женщина вновь взяла мою купюру. Ещё раз оглядела. – Но я ничего о новых деньгах не слышала.

Я порылся в кошельке. Выложил перед ней десятку, пятёрку, гривну.

– И таких не видели?

Она отрицательно покачала головой. Уже не смеялась, поглядывала на входную дверь. Ждала, что зайдут посетители, подскажут? Но никто не заходил. Тогда она закричала:

– Майя! Подойди на минутку!

– Шо там такое? – долетело с кухни.

– Быстрее!

На крик кассира здесь отзывались куда проворнее, чем когда звал посетитель. Две секунды, и дверь распахнулась, выпустив вторую женщину. Высокая, тощая, светло-пегие

пряди выбиваются из-под белого колпака, прилипают к лицу. И это повар?! Не удивительно, что здесь одними сосисками и пельменями потчуют.

Повариха подошла, не сводя с меня взгляда.

– Шо случилось?

– Глянь, ты такие видела? Говорит, новые.

Долговязая посмотрела на деньги, склонив голову на бок, что твоя цапля. И взгляд её стал совсем нехороший.

– Никогда не видела.

Мнение товарки стало для кассирши решающим.

– Я эти деньги не возьму.

Смотрят на меня в четыре глаза. И я прекрасно знаю, что думают, – ломщик, мошенник. Сейчас повариха уйдёт на кухню и ментов вызовет. Ноги надо делать, ноги!

Но если бежать, то далеко, вон из этого времени. На голодный желудок. А лапшица-то горяченькая. И биточки вроде, ничего. Пахнут. Я придумал другой вариант.

– Так чё, это не настоящие деньги? Вот блин. А мужик мне сказал – нормально всё, мол, новые деньги ввели. – Я сгрёб купюры, от греха подальше.

– Какой мужик?

– Да на вокзале, когда деньги менял. Я ж сегодня только из России приехал. У меня сестра здесь в больнице лежит. Проведать хочу.

Какой у нас народ всё-таки отзывчивый! Минуту назад готовы были ментам меня сдать, а как докумекали, что не их ломанули, – сочувствие прямо из ушей лезет.

– Ох жульё! – всплеснула руками толстенькая. – И много вы поменяли?

– Две тысячи на наши.

– Ох ты ж! Вы в милицию заявите!

– Света, какая милиция? Думаешь, они там этих жуликов не знают? Все отмазанные давно. – Повариха посмотрела на меня. – Так и что, у вас совсем денег не осталось?

– Да немного вроде есть, – испытывать их сердобольность я не хотел, очень уж в ней сомневался. Достал из кошелька старую двадцатку. – Эта хоть настоящая?

Кассирша – оказывается, её Светой звали, как мою бывшую – взяла купюру, придиричиво изучила.

– Тоже у того жулика меняли?

– Нет, это ещё в России. Из банка.

– Вроде настоящая. Все нужно было в банке менять.

Я пообедал, вышел из столовки и начал соображать, что это со мной приключилось. Опять перепутал что-то? Не в две тысячи четвёртом новые деньги вводили?

Специально достал из кармана все, перепроверил. Нет, не ошибся. На двух купюрах и год стоит – «2004». Что же такое выходит, а? Не готов я был к подобному обороту. Пятидесятки эти новые – основной капитал мой. Специально разменивал, потому что помнил – крупные позже вводили. Разменял, блин. Пол штуки гривен – коту под хвост. На одной старой сотенной с мелочью до две тысячи первого дотянуть сложновато будет. Возвращаться назад, менять новые на старые? Как? Подойти в банк, попросить, – «Поменяйте, а то мне у новых расцветка не нравится. Рожи на портретах больно мрачные»?

Шёл я так, перебирал варианты, пот с лица вытирал. А вариант сам мне неожиданно подмигнул. Откуда и не ждал – из окошка отделения Сбербанка. Лотерея!

Как молния в голове сверкнула. Вот же оно – простое решение проблемы! «Суперлото» называется, «Украинская национальная лотерея». Выиграть в неё – раз плюнуть. Если знаешь, какие номера зачёркивать.

Сомнение кольнуло всего на миг: честно ли это будет? Я отмахнулся от него. Если и не честно, то кого обманываю? Государство. Оно мне за семь лет больше задолжало. Куда больше! Не колеблясь, открыл дверь.

Через пятнадцать минут я знал всё: о правилах, выигрышах, днях розыгрышей. И о номерах, выпавших в последнем тираже.

Ещё часом позже я вновь стоял рядом с тем же окошком – только четырьмя днями раньше! – и аккуратно заполнял карточку. Вычёркивать все шесть выигрышных номеров в одном поле, само собой, я не стал. Джек-пот сорвать – это было бы прекрасно, все мои проблемы денежные решались в один миг. Однако не получить мне такой выигрыш, ни в жизнь не получить – это я тоже выяснил. Выигрывать нужно по-маленькой, так, чтобы выдавали на месте, по билету, не требуя паспорт. Я старательно вычеркнул по четыре выигрышных и два пустых номера.

Женщина, торговавшая лотереями, проверила, что я там начеркал. Поинтересовалась:

– В одном тираже участвовать будете?

– В одном.

– А не хотите системную игру попробовать? Там вероятность всегда вы...

– Не хочу, – перебил я довольно невежливо. Но достала же! Вероятность, видите ли, выше! Да я стопроцентную вероятность могу начёркать, только мне оно не нужно, геморрой.

Женщина поджала губы.

– Как хотите.

Сунула бумажку в терминал. А я, расхрабившись, вынул из лотка вторую карточку. Поиграем!

Рано утром в четверг явился я за своим выигрышем. Трусил немного. Как не крути, мошенничество получается. Успокаивал себя тем, что если и мошенничество, то доказать никто не сможет. Купил, заполнил, зарегистрировал. Всё по правилам.

В отделении банка ничего не изменилось с моего предыдущего визита, который был три дня назад. И с самого первого, который завтра случится. Дверь с захватанной до блеска ручкой и оборванной пружиной, всё те же старые, покорёженные буквы над входом. «Д» упало на бок, готовое отвалиться в любую минуту, а «Б» уже и отвалилось, – надеюсь, не на голову неудачливому посетителю! – так что грязно-серая надпись на грязно-зелёном фоне теперь читалась «ОЩА]> АНК». Внутри – длинная стойка поперёк зала, у противоположной стены – старый потёртый стол, стулья с поцарапанными дерматиновыми сидухами, пара бабулек рядом с окошком кассира.

И женщина у игрового терминала сидела всё та же. Только платье на ней, кажись, другое, с большими розовыми цветами. Меня она не узнала. Не удивительно, клиентов за день сколько проходит!

– Здравствуйте, – я протянул билетик. – А можно получить выигрыш по «Супер-Лото»?

На приветствие она не ответила. Билет взяла молча, повозилась с терминалом. И протянула назад.

– У вас без выигрыша.

– Что вы сказали? – я подумал, что ослышался.

– Без выигрыша.

– Как «без выигрыша»? Это вчерашний тираж вы проверяете?

– Разумеется. А с чего вы взяли, что выиграли?

– Но я же... – «знал, какие номера выпадут!» Такого не сказал, конечно. Мозги ещё работали, хоть и со скрипом. Никак не мог допетрить, что творится. – ...А какие номера выпали?

– Вон, на бумажке написано.

Написано. Я уже видел эти листики с выигрышными номерами. Недавно совсем видел, когда первый раз сюда зашёл. С них и списывал, чтобы наверняка, чтобы не забыть. А с них ли? Дата выигрыша та же, что и была. Но номера... Один всего совпал!

Я пробежал глазами по первому билету. Естественно, этот единственный номер и совпадал. Права «банкирша», без выигрыша. Списал, называется! Что ж я за лох такой, цифры на бумажку переписать не смог? Да нет, ерунда! Не пьяный я был, соображал, что делаю.

Перебрал всю стопочку карточек с результатами тиража. Все одинаковые! Женщина тоже увидела, что сверяюсь, и смотрела на меня снисходительно. Решила, что пытаюсь собственную «систему» разработать? Так и есть, по большому счёту. Разработал, «стопроцентно выигрышную».

Я достал второй билет. Будто в насмешку, на одном из полей совпали три номера. Один «верняк», и два «левых», поставленных от фонаря. Хотел скомкать и выбросить. Потом всё же протянул в окошко.

– Вот это другое дело, – женщина улыбнулась мне, стараясь подбодрить. – Три номера на одном из полей. Ваш выигрыш составляет пять гривен. Получите!

И выложила передо мной бумажку с синей, усатой рожей Богдана Хмельницкого. Новую.

Столовая в общежитии уже функционировала. Я подскочил к кассирше-«поросёночку» и бахнул перед ней полученную в банке пятёрку.

– Это деньги настоящие?

Женщина уставилась на меня удивлённо, но без страха. Сегодня в столовой былолюдно: завтракало несколько работяг в измазанных краской и штукатуркой робах, парочка в дальнем углу ела пирожные, и следом за мной парень вошёл.

– Настоящие.

Я выудил из кармана полтинник. Нет гарантии, что тот самый, но они всё равно похожи, как близнецы.

– А эта?

Круглолицая взяла в руки бумажку, повертела, проверила на просвет. Точь-в-точь как прошлый раз.

– Настоящие вроде. Если сомневаетесь, несите в банк. У меня машинки нет.

Я чуть не задохнулся от злости. Крикнуть хотел, – «Какого же чёрта ты меня разводила три часа назад?!» Не крикнул. Это для меня – три часа назад, а для неё тот день лишь завтра наступит.

На миг захотелось дожидаться завтра, посмотреть на эту невинную, добродушную харьку... И тут же холодом обдало. Это же другой я там буду! От одной мысли в глазах тёмные круги пошли. Нет, ни за какие коврижки не соглашусь с собой нос к носу встретиться.

Кассирша нетерпеливо заёрзала на стуле – парень уже стоял у раздачи, сверлил взглядом яичницу.

– Мужчина, вы что-нибудь берёте?

Беру? Конечно, беру. Я теперь снова крёз.

– Кофе есть?

– «Нескафе», растворимый.

– Давайте. И пирожное заварное.

Я жевал сладкое пирожное, но во рту отдавало горечью. Как же так – деньги, потом лотерея? Случившееся больше всего походило на бред. А если не бред, то очень хитрый розыгрыш. Я и сам люблю розыгрыши. Первого апреля, в кругу близких друзей.

Но сегодня был не апрель, август, и кто решил меня разыграть, я не представлял. Потому такой розыгрыш мне не нравился. Разобраться бы со всей этой денежно-лотерейной ерундой! Но сейчас были дела поважней.

Глава 9. Осень, 2004

Хозяйка расхваливала квартиру со всем вдохновением, на какое была способна:

– Гена, посмотрите, как чистенько. У меня здесь и мебель новая, постель, посуда. А быттехника? Вы гляньте – импортное всё! И телефон есть.

– Как раз телефон мне без надобности.

– Как это, без надобности? А позвонить? Вы что, звонить никуда не будете?

– Не буду.

Хозяйка развела руками.

– Смотрите сами. Квартира хорошая.

Квартира была приемлемая. Не хуже, но и не лучше других. И интересовала меня в ней не быттехника – в самом деле импортная, только дешёвая и далеко не новая, – а горячая вода в душе. Горячая вода имела место быть.

– Дороговато.

– Гена, что значит «дороговато»? Где вы дешевле найдёте на сутки? Это если бы вы на месяц снимали!

– Ладно, – я махнул рукой. Очень уж надоело бродить по городу. Третью смотрю, и первая – с человеческими условиями, а не крысятник какой. – Остаюсь.

– Вот и хорошо, – хозяйка расплылась в улыбке. – Не пожалеете.

На улыбку я постарался ответить такой же, хотя особой радости не испытывал. С удовольствием поменялся бы на номер в гостинице. Не люблю я чужое жильё, не люблю, и всё... Если бы не дата в прописке.

Хозяйка ушла, унося мой полтинник – в этом времени новые купюры действовали, – а я разделся, принял душ, чайку заварил. И на диван плюхнулся, телевизор смотреть. Раз уж квартира «с быттехникой».

В принципе меня жильё устраивало полностью, даже с учётом цены, – по всем прикидкам хватало мне денег до две тысячи первого. Квартира была копией той, что Завадский снимал, только обставлена побогаче. Вместо дивана обшарпанного – кровать деревянная, двуспальная, с горкой подушек, атласным покрывалом засланная. Сексодром, основной предмет мебели – понятно ведь, для какой надобности такие квартиры чаще всего посуточно снимают. Напротив кровати, в углу – тумба широкая с телевизором и видеком. «Хитачи», старый-престарый, видать, ещё со времён перестройки, но работает, я семь каналов нащёлкал с вполне приличной картинкой. В тумбе за стеклом кассеты какие-то лежат, но это мне точно не понадобится. Скукоженного от старости серванта здесь, разумеется, не было. Вместо него – «стенка» во всю стену. И внутри не пусто – посуда, стопки журналов. В довесок к мебели – пол паласом застелен, толстым, пушистым. Босиком ходить можно.

Так и лежал я посреди кровати, комнату рассматривал да пультом щёлкал. На одном из каналов «Формулу-1» нашёл. Не большой поклонник я этого вида спорта, но почему бы и не посмотреть перед сном?.. И вдруг в дверь позвонили.

Первый взгляд – на часы, что на стене висят. Двенадцать ночи без малого. Гостей не жду. Хозяйка за чем-то вернулась? Ох, не люблю я такие поздние визиты!

Ещё с минуту я полежал. Может, ушли? Случайно кто-то забрёл? Хотя и понимал – глупости думаю. Никто случайно ночью на четвёртый этаж подниматься не станет.

Звонок повторился. Теперь дольше, настойчивее. Делать нечего – встал, натянул штаны, пошлёпал к двери.

Глазок хозяйка не предусмотрела, а зря. Ох, как не хотелось мне открывать. Будто предчувствовал – не суждено сегодня спокойно выспаться.

– Кто?

За дверью хихикнули.

– Ляля.

Что за «ляля» посреди ночи? Не заказывал я никаких «лялей». Открыл...

Наше взаимное замешательство длилось не меньше минуты. Всё же она опомнилась первой. Залепетала – «я ошиблась, извините», – попятилась. Но я тоже узнал! Схватил за ворот плащика, дёрнул на себя, затащил в квартиру. Захлопнул ногой дверь, проводок по коридору. Туфли, оторванные пуговицы остались там, словно след. Я не замечал, пыталась она сопротивляться или нет, не слышал её скулежа. Я был не я – бешеный бык, увидевший красную тряпку. Затащил её в комнату и швырнул на пол, под ноги. Пускать в кресло, тем более на кровать ТАКОЕ я брезговал. Размалёванные ярко-алым губы, чёрно-синие круги теней вокруг глаз, ярко-розовые пятна румян, сиренево-белые пряди, торчащие во все стороны, изменили её внешность сильнее, чем три года жизни. Но я всё равно узнал бывшую одиннадцатиклассницу Леру. Валерию Мандрыкину. Ту самую тварь, что посадила меня на семь лет. Узнал сразу, едва увидел. И накатило...

В тот раз на работе я задержался до вечера. Вообще-то было четыре часа всего, но в декабре темнеет рано, и четыре – это уже вечер. Домой я не спешил. Что там делать, дома? После того, как Ксюши не стало, в нашей со Светланой семейной жизни что-то треснуло. Злились друг на друга, собачились по каждому пустяку. Догадывался – меня она винит в гибели дочери. Вслух не говорила, но думала именно так. А я не оправдывался. В самом деле виноват, что отпустил за тем чёртовым мороженым. И что справедливости добиться не мог – козла того, что Оксану убил, наказать. Ни по совести, ни по закону.

Следствие тянулось ни шатко, ни валко уже который месяц. Разваливалось оно самым настоящим образом! Правду в народе говорят – все менты круговой порукой повязаны. Потому и цвет светофора поменялся, и «зебра» в сторону переползла. Единственное обвинение осталось – скорость лейтенантик превысил. Потому и не смог предотвратить наезд на пешехода, перебежавшего дорогу в непопозволенном месте. Несчастный случай... Мать их всех!

Я тоже ходил злой и взвинченный. В школе, с детьми, ещё как-то получалось сдерживаться, а стоило домой прийти, на Светкины губы, постоянно в ниточку сжатые, глянуть... Нет, домой я идти не спешил. Искал поводы, чтобы задержаться.

В тот день повод у меня был законный. Конец четверти, оценки выставлять нужно, вот я и сидел в тренерской, выставлял. Погруженный во тьму спортзал отделял меня от остальной школы. Там, хоть уроки и закончились, было ещё многолюдно – пересдачи, дополнительные занятия, родительские собрания. А у меня здесь тихо и спокойно. Уютно. Моя напарница-физручка Евгения Дмитриевна Шенина – Женя среди коллектива педагогического и Женьшенька среди ученического – умела создавать уют. Её стараниями тренерская походила на кабинет релаксации. На окне – занавески симпатичные, на полке – телевизорик двенадцатидюймовый, рядом с письменным столом – диванчик мягкий.

На диване я и сидел. В пол уха слушал трансляцию хоккейного матча, высчитывал четверные оценки. Раньше с этим проще было – сразу понятно, кто троечник, кто хорошист, а кто отличник. Но как на двенадцатибальную систему перешли, высшая математика началась. Я даже калькулятор приобрёл...

В дверь тихо поскребли.

– Можно? Здрасьте.

Я поднял голову. Удивился. Лера Мандрыкина из одиннадцатого «Б». Стоит, с ноги на ногу переминается. Ей что нужно? Понял, если бы отличница какая пришла, из тех, что физкультуру постоянно филонят, справки из больниц подшивками носят, пятёрку, то есть, двенадцать кланчить явилась. А тут всё наоборот, по другим предметам «троечница», но с физкультурой полный порядок. Следит девочка за телом, гибкая, ловкая, прыгучая. Красивая... Конечно, красота её меня не касалась, но вот то, что понимает, красота – вещь скоропортящаяся, если о ней не заботиться, это хорошо. Значит, самостоятельный человек. Для неё это вдвойне важно, потому как не из богатых. Неполная семья, малообеспеченная. Дорогу в жизнь самой протаптывать доведётся.

– Здрасьте. А я тебе уже двенадцать поставил. Так что можешь не пере...

– Я не за оценкой пришла, – перебила девушка. – Мне... поговорить с вами нужно.

Улыбнуться силится, а у самой щёки пылают. Не одни щёки – всё лицо пятнами пошло. И глаза красные, зарёванные.

– У тебя что-то случилось?

– Да.

Не Песталоцци я, чтобы воспитательные беседы вести. Дидактику и подростковую психологию сам когда-то на тройки сдавал. Но с пацанами иногда поговорить приходится. По-взрослому, по-мужски, без соплей и сиропа. А с девушками... По девушкам у нас Женьшенька специализируется.

Но Женьшеньки рядом нет, самому надо выкручиваться. Может, и правда беда у девчонки? Я кивнул.

– Ну давай, рассказывай.

– А можно... – она замялась. – Верхний свет выключить? Мне неловко.

Даже так? Неужто в делах амурных советоваться пришла? Час от часу не легче. Вздыхнул, зажёл настольную лампу.

– Выключай.

Лера щёлкнула выключателем, подошла. Села на угол дивана. Чуть подвинулась. На меня повеяло запахом цветов и ещё чего-то сладкого. Приятный запах. Хотя такие духи больше подойдут взрослой женщине.

– Геннадий Викторович, я пришла вам помочь.

Начало оказалось неожиданным. Поняв моё удивление, девушка поспешила продолжить:

– Я же вижу, как вам плохо. Раньше вы улыбались, шутили с нами. А теперь только хмуритесь... У вас морщинки вот здесь.

Она придвинулась ближе и осторожно коснулась пальцем моего лба над переносицей.

Я был в замешательстве. Готовился чужую историю выслушивать, а меня, оказывается, самого утешать пришли? Ничего себе!

– Знаешь, Лера, как-то не до шуток мне сейчас.

– Да, я знаю, я была на похоронах. У вас горе страшное... но нельзя же только об этом и думать? Если случилось такое, нужно стараться пережить. Нужно отвлечься.

Что ж, правильно она говорит. Я примерно так же утешал бы. Но разве я просил, чтобы утешали меня? Тем более, девчонка, на каких-то четыре года Ксюши старшая? Пусть и выглядит взрослой...

– Когда такое горе случается, близкие люди должны стать ещё ближе. Должны поддерживать друг друга во всём.

И это она правильно говорит. Близкие люди должны поддерживать друг друга, а не собачиться. Если они близкие...

Я не сумел подавить вздох. Лера заметила, опять придвинулась. Теперь её коленка касалась моей ноги.

– Геннадий Викторович, я хочу, чтобы вы знали. В школе к вам многие очень хорошо относятся. И в нашем классе девочки, и вообще...

Да, наверное. Острых конфликтов с учениками у меня никогда не возникало. Старался быть принципиальным, но... Принципы ж не сами по себе важны, а то, ради чего ты их отстаиваешь. А когда принципы – просто способ отомстить или своё превосходство показать, то грош им цена.

Мандрыкина пододвинулась вплотную, взяла осторожно мою руку. А я и не заметил, когда!

– Геннадий Викторович, мы не хотим, чтобы вы страдали... Я не хочу! Потому, что вы очень хороший человек... И вы мне очень нравитесь.

Шепчет, а у самой слезинки по щекам текут. Ну всё, приехали. Это что получается? Влюбилась в меня деваха? Не было печали... Слыхал я о таких случаях, но на собственной шкуре испытать не приходилось. Говорят, с одной стороны – приятно, а с другой – неловко. И мандраж бьёт – не дай бог кто решит, что сам повод даёшь, или, ещё хуже, намерения какие имеешь.

Да уж, неловко. Вот пришла в тренерскую после уроков, плачет, в любви объясняется. И что с ней делать прикажите? Будь я одиннадцатиклассником или, там, студентом, и чтобы мне такая деваха молодая-красивая начала о любви рассказывать... Да я б на седьмом небе...

Но я-то не парнишка, дядя сорокалетний. Неужто не видит?

Видит. Это у них возрастное – в дядек, чуть ли не папаш своих, влюбляться. Пройдёт. Главное, объяснить правильно, помягче. Надежду какую на взаимность ни в коем случае не давать, но и не отталкивать резко. Они в таком возрасте ранимые все. Мало ли что в голову взбредёт? В петлю полезет или с крыши сиганёт. Случаи бывали...

Пока сидел так, обдумывал, что предпринять, Лера от слов к делу переходить начала. Уже не просто мою руку в своей держит – к груди прижала. А грудь у неё упругая, из лифчика так и выпирает. У Светланы такая же лет пятнадцать назад была... И ходуном ходит от волнения. Попытался я забрать руку, но девушка не отдавала. Ещё крепче прижала.

– Геннадий Викторович, если вас дома не поддерживают, то я могу всё для вас сделать! Всё-всё, понимаете? А для вас сейчас главное – расслабиться. Не нужно ни о чём думать, и... – шёпот неожиданно прервался сдавленным всхлипом, – ...и простите меня пожалуйста.

Я удивился. Девочка, прощение-то за что просишь? Дела житейские. Я же всё понимаю – возраст, гормоны. Тело уже требует, а мозги не соображают пока. Не Ушинский я, но изучал кое-что, не пацан малограмотный. Только как объяснить помягче? Чтобы не обидеть...

Не хотелось мне её обидеть. Девочка хорошая. И симпатичная... Нужные слова на ум не приходили. Ощущение упругой девичьей груди под пальцами мешало.

Я промямлил:

– Лера, я не сержусь на тебя, но...

Она даже договорить не дала. Точно, ловкая и проворная! Только что рядом сидела, а уже на коленях. Прижалась всем телом, обвила руками за шею. И губами – в губы мне...

Вкус у неё был клубничный. И язык – словно ягодка во рту перекачивается. Ну не железный я! Кто выдержит, когда девка молодая всеми своими выпуклостями упругими прижимается? К тому же со Светланой который месяц друг от дружки в постели отворачиваемся. Кровь в ушах застучала... и не только в ушах. Не оттолкнул сразу, упустил момент.

Девчонка моё возбуждение почувствовала. Заёрзала, начала одной рукой блузку расстёгивать. Совсем плохи дела!

– Валерия... прекрати...

– Сейчас... сейчас я...

Пальцы перестали мучить застёжки, дёрнули вниз, обрывая оставшиеся пуговицы. И мою футболку выдернули из треников. Теперь я кожей чувствовал её кожу. И с ужасом пони-

мал, что не могу контролировать рефлекс. Что треники мои не только горбом вздыбились, но и упираются во что-то там девичье под широкой юбкой-гофре, распластавшейся поверх наших бёдер. И Лера прекрасно ощущает эту часть моего тела.

– Э-э-э... Мандрыкина! Ты что это удумала?! А ну прекрати...

– Пожалуйста... хоть чуть-чуть...

Пальцы сунулись под резинку. Да что это она делает! Перехватить её ладонь не получалось, она прижималась ко мне так плотно, что руку между животами не всунешь. Я лишь тыкался в её голый бок.

– Прекрати...

– Что же ты... ты мужик или нет...

В голосе девчонки злость какая-то появилась. Оттого, что никак своего не добьётся? Да за кого она меня принимает?!

Чужие пальцы коснулись того, чего не нужно. Я попытался сбросить с себя девчонку. А она будто этого и ждала. Начала сползать и меня за собой потянула. Мандрыкина толстушкой не была, но и пушинкой – тоже. И сильная – сильнее, чем я думал. Возбуждение ей, что ли, сил добавляло? Или злость? Когда набок сползла, мне её руку из своих штанов вытащить удалось. Но равновесие я потерял, завалился на диван рядом с обнимающей меня девчонкой. И тут же сильные ноги обхватили мои бёдра, дёрнулись. Один рывок – и я сверху, на ней! Только и успел, – упереться ладонью в диван, чтобы не навалиться всей тяжестью. Распрямился резко, бросая корпус вверх. И девчонку заодно, уцепившуюся, что твой клещ. Клац!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.